

Лина Лафр

МОЯ ДО
ПОСЛЕДНЕГО
ВЗДОХА.

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Лина Лафф

Моя до последнего вздоха

<https://litres.ru/74145042>

SelfPub; 2026

Аннотация

Экспонат:

Мне совсем недавно удалось освободиться из лап одного монстра, что бы сразу же попасть к другому. Он наблюдает за каждым моим шагом, контролирует каждый мой вздох. Он просто одержим мной.

Я знаю, что должна бежать от того, кто привык превращать людей в экспонаты своей никчемной коллекции. Но соблазн стать первой, кто раскроет его личность, слишком велик.

Сначала он был всего лишь университетским заданием. Объектом исследования.

Но сейчас, этот Монстр уже поселился у меня в голове.

Чем больше мы сталкиваемся, тем отчетливее я понимаю: все это время охотилась не только я.

Коллекционер:

Эмоции — слабость. Чувства — ошибка. Привязанность — яд, который рано или поздно разрушает всё.

Я был уверен в этом долгие годы. Пока одно маленькое, хорошенькое недоразумение не нарушило мой безупречный

порядок. В тот день я впервые встретился с человеком, у которого травм хватило бы на все девять жизней.

Лея Браун — девушка-тайна, которую я обязан разгадать и заполучить себе любой ценой.

Содержание

Предупреждение:	5
Плейлист:	7
Пролог	8
Глава 1. Экспонат.	11
Глава 2. Коллекционер.	28
Глава 3. Экспонат.	42
Глава 4. Коллекционер.	62
Глава 5. Экспонат.	79
Глава 6. Экспонат.	103

Лина Лафф

Моя до последнего вздоха

Предупреждение:

Дорогой читатель! Прежде чем ты окунешься в историю, я обязана предупредить: перед тобой ДАРК-роман. В нем нет легких путей, безопасных уголков и однозначных ответов. Некоторые сцены могут быть тяжелыми для восприятия, а поступки героев - противоречить законам, морали и привычным представлениям о допустимом.

Пожалуйста, помни: это художественное произведение. Оно не является отражением реальности, не призывает повторять описанные действия и не оправдывает их.

Если темы контроля, внутренней боли, зависимости, морально неоднозначных поступков и серой морали могут причинить тебе дискомфорт или задеть личные переживания, прислушайся к себе. Только ты можешь решить, готов ли идти дальше.

Роман затрагивает тяжёлые и триггерные темы, а также содержит сцены, которые могут повлиять на твое эмоциональное состояние и ментальное здоровье:

- v серая мораль;
- v убийства;

v сталкинг;

v нон-кон:

v даб-кон;

v секс с использованием посторонних предметов;

v обездвизивание;

v удушение;

v шрамы;

v угроза жизни;

v откровенные сцены насилия и сексуального характера.

Перелистнув эту страницу, ты шагнёшь в историю, о которой не рассказывают вслух и не произносят между делом. Историю, где спасение не всегда ждёт на свету, а путь к себе порой начинается там, куда страшнее всего смотреть — в самой глубокой тьме.

Пожалуйста, помни: твоё психологическое здоровье во много раз важнее любой книги. Береги себя и свои границы.

Приятного чтения.

С любовью,

Лина Лафф.

Плейлист:

Chris Klafford — Take Me To Church

Teddy Swims — Lose Control

Chris Grey — Let The World Burn

Dario Marcello, Dark Mage, Anna Koli — Like That

CRMNL — Wisked as They Come

Starset — My Demons

Trevor McNeven, Joel Bruyere, Steve Augustine, Thousand

Foot Krutch — Courtesy Call

Sam Tinnesz, Yacht Money — Play With Fire

Loreen — Tattoo

TommyMuzzic — Royalty x Shameless - Nightcore

Tom Odell — Cant Pretend

Elley Duhe — Middle Of The Night

Dario Marcello, Mangusx, Dark Mage — I Feel Like Im

Drowning

Bryce Savage — Blvck

Saint Vice — Good Girl

Xolidayboy — Ты существуешь

Три дня дождя — Где ты

Пролог

В груди лишь тяжесть, воздуха нет,
Стены давят, в глазах чернота.
Сквозь страх и холод ищу я ответ.
Дыхание - хрип, душа - пустота.
Бежала на свет в надежде спастись,
Но встретила монстра во мраке ночном.
Отныне в руках его вся моя жизнь,
И путь обратный стал мне незнаком.

Ощущение зажатости, беспомощности, будто ты находишься в невесомости, только в этот раз она не дарует тебе лёгкость и свободу, а перекрывает кислород.

Все без остатка.

Эта призрачная свобода, которую ожидаешь, ищешь повсюду: в каждом действии, в каждом человеке, в каждом хриплом вдохе. Все, за что я не бралась, рассыпалось, словно прах по ветру.

Это не просто отсутствие опоры, это гребаный вакуум, черная дыра, куда тебя затягивает без шанса на спасение. Войти — просто, выйти — невозможно.

Паника поднималась медленно, почти нежно. Сначала касалась ребер. Потом заползала под кожу, сжимала сердце, горло, лёгкие. Мысли метались в черноте, бились о невидимые стены, но так и не находили выхода. Каждая секунда

растягивалась до бесконечности. Каждый вдох превращался в сделку, на которую у меня больше не осталось сил.

Я молила о воздухе.

Просила телом: сведёнными пальцами, дрожью в коленях, раскрытым ртом, который ловил пустоту. Но воздух ускользал. Он был рядом, совсем близко, касался губ — и всё равно не принадлежал мне.

Для других дыхание было привычкой. Мелочью. Незаметным доказательством жизни.

Для меня оно стало пыткой.

И недостижимым соблазном.

Оно манило, как запретный поцелуй, обещанный и недоступный. Давило на мою хрупкую грудь невидимыми камнями, стирало последние остатки надежды — и всё же оставалось единственным, чего я жаждала.

Я думала, что тьма меня уничтожит.

Но именно в ней я впервые смогла вдохнуть.

Там, где реальность расплзалась по швам, где страх становился почти осязаемым, а боль — единственным доказательством, что я ещё существую, появился он.

Тот, кого разыскивает весь город — стал моим спасением.

Он не испугался, не отвернулся, не сделал вид, что всего этого нет.

Он остался. Просто остался рядом.

Смотрел на меня так, будто видел не пустоту, а то, что ещё можно спасти. Он снова и снова возвращал меня к соб-

ственному телу, к дрожащим пальцам, к сбитому пульсу, к воздуху, который я разучилась принимать.

Он не просто научил меня дышать заново.

Он стал моим собственным кислородом.

Глава 1. Экспонат.

Не могу точно объяснить почему, но эта серость определенно затягивает меня. То, что для всех кажется страшным и неприступным, у меня вызывает неподдельный интерес и тягу во тьму.

Я все еще плохо знаю Нью-Йорк. Пустые безжизненные лабиринты из камня и стекла, представляющие собой то ослепительные витрины с драгоценностями, то темные переулки с запахом сырости и грязи.

В поисках интересных старинных вещей я забрела на городскую барахолку в глубине Клинтон, в место, где не встретишь ни одного местного в здравом уме, а чего уж говорить о туристах. Узкие улочки сжимаются вокруг меня, словно пытаюсь выдавить прочь. Асфальт под ногами весь испещрен трещинами, в которых застряли окурки, обрывки газет и что-то липкое, напоминающее засохший кисель или скорее даже кровь.

Раньше этот район носил гордое название «Адская кухня». Хотела бы я сказать, что из-за большого скопления ресторанов с острой едой, да вот только каждый, кто туда попадал, рисковал стать новым ингредиентом для фирменного блюда.

Экран телефона гаснет. Сводка достаточно информативна, как минимум для того времени. Сейчас же все измени-

лось. Район, конечно, не из приятных, но не думаю, что преступники все еще безнаказанно бродят по его улицам.

Поправляю туго затянутый цветной узелок на шее. Грубая ткань царапает подбородок, и лишь после этого грудь наполняется волной холодного воздуха, чуть отдающего дымом и гнилыми объедками из соседних баков. Где-то вдали завывает сирена, а из подворотни напротив доносится хриплый смех, прерываемый кашлем.

Навигатор завел меня в самую глубь Клинтонa. Я все еще прокручиваю в голове слова Николь. Поговаривают, что и по сей день здесь можно услышать крики беспомощных женщин и детей, попавших в лапы бандитов. Но почему-то верится с трудом.

Я остановилась и медленно обернулась на триста шестьдесят градусов.

Тишина.

Такая густая, что ее можно потрогать. Ни души, только этот чертов фонарь через дорогу мигает, как сумасшедший, раз-два, раз-два. Его треск — единственный звук во всей этой мертвой ночи.

— Выдыхай, Лея, — прошептала я сама себе, сжимая холодные пальцы в кулаки. Маловероятно, что они будут искать тебя именно здесь.

Впереди, в конце улицы, угадывался темный силуэт с вывеской. Антикварная лавка «У Кэнади». Еще пара минут, и я буду там. Мне пришлось перелопатить весь интернет, и

это место казалось единственным, где могло быть хоть что-то стоящее. Ну, или мне так отчаянно хотелось верить в это.

Надежда — последнее, что умирает, особенно когда умирать больше нечему.

Делаю шаг с тротуара, собираясь перебежать улицу, когда позади меня раздается истошный крик и сразу же умолкает.

Я замираю, не смея сделать больше ни шагу. Сердце колотится так, будто пытается проломить грудную клетку и выскочить наружу. Чувствую его удары где-то в горле, слышу их гул в ушах. Ладони моментально вспотели, стали холодными и липкими. Я вытираю их о грубую шерсть свитера в надежде скрыть следы страха, но от этого становится только хуже — на ткани остаются влажные пятна, а ладони так и продолжают напитываться влагой.

Ненавижу это. Ненавижу до тошноты. Когда все внутри сжимается в ледяной ком, кровь стынет, а в висках стучит одна и та же мысль: «Беги. Спрячься. Умри». Язык становится ватным, мысли путаются.

С недавних пор я привыкла считать страх бесполезной эмоцией. Сколько я всего в жизни переболелась. И что? Это ни разу не помогло избежать дерьма, которое на меня сваливалось. Люди столько всего не делают из-за страха. Сидят в своих норках и гниют. А я я устала от такой жизни.

Я зажмуриваюсь и втягиваю носом холодный зловонный запах.

Помнится, профессор Кривз рассказывал как-то на сво-

ей лекции о местном маньяке, если его можно так назвать. «Паттерн очевиден, — говорил он, щёлкая слайдами с безликими фотографиями мест преступлений. — Он не убивает сразу. Возможно, делает тонкий намёк, что с ним можно договориться на достойную за жизнь плату, а может, он просто псих, и его действия совершенно не поддаются логике».

Любой нормальный человек давно бы уже бежал прочь, но я не привыкла считать себя нормальной. А что если это действительно он? Насколько мне известно, его ещё не удалось поймать, да и, в принципе, никто и никогда не видел его за работой. Что если я смогу совершить настоящий прорыв в этом деле?

Ногти впиваются в ладони, оставляя жжение и красные лунообразные следы. Что если я смогу помочь кому-то избежать участи стать его следующей жертвой?

В голове доносятся едва заметные крики и лица тех, кого я не смогла спасти. Одна несчастная слезинка скатывается по щеке, оставляя за собой влажный след. Могла, но не спасла.

Адреналин горьким привкусом разливается во рту, оставляя новый болезненный шрам на губе. Медленно, очень медленно, я отступаю от края дороги и прижимаюсь спиной к шершавой кирпичной стене, стараясь слиться с окружающей средой.

Тяжелый, шаркающий звук из переулка режет тишину. словно по земле волочат что-то большое, тяжелое.

Я замираю. Вглядываюсь в пустоту между домами, где

свет фонарей бессильно растворяется в тени. Идеальное место для любого разбоя или грабежа.

Осторожно прошмыгиваю следом во тьму и прижимаюсь к холодным металлическим мусорным бакам. Сладковато-кислый запах гниющих отходов смешивается с резким запахом спирта так, что глаза начинают слезиться.

В темноте вырисовывается силуэт. Широкие плечи, мощная спина. Мужчина. Он склонился над бездыханным телом, его руки двигаются быстро, почти профессионально. Ни тени суеты. Только глухие, влажные звуки, от которых желудок сжимается в узел.

От того, что лежит перед ним, исходит едва заметное, мертвенное свечение. В этом слабом блике я вижу её — темную, блестящую дорожку крови. Она тянется от моего укрытия прямо к его ногам.

Наверное, очень странно окрестить человека трупом, не зная, мёртв ли он на самом деле. Но учитывая столь обширные кровавые следы и тот крик, что сразу же умолк. Да. Он уже определённо мёртв.

Человек, которого я уже мысленно нарекла «маньяком», выгибается и встает, возвышаясь над своей добычей. В одной руке он держал что-то, отдалённо напоминающее толстый пластиковый пакет, наполненный жидкостью. А в другой

Подаюсь вперед, сокращая расстояние до критического. Сердце колотит в ребра, требуя бежать, но я не двигаюсь.

Его пальцы в черной коже сжимают чужое запястье. Отрезанная кисть безвольно свисает вниз, вывернутая под невозможным, уродливым углом.

Я вцепляюсь пальцами в собственный рот, вдавливая ладонь в губы до боли. Крик застревает в горле, оседая где-то между рёбер ледяным комом.

Боже!

Это и правда отсеченная рука.

Желудок выворачивает наизнанку. Чертов сэндвич с ветчиной кажется сейчас злой шуткой. Меня тошнит от осознания, что я смотрю «расчлененку» не в кино, а здесь, в пяти шагах от себя.

Это не человек.

Монстр.

Как можно вот так взять и отрезать человеку руку? Зачем? В голове мечутся обрывки мыслей в поиске хоть одного разумного объяснения. Деньги, власть — это я еще могу как-то понять. Но чужая конечность? От мертвого? Да он просто больной.

Человек определенно мертв, ему точно больше не пригодится ни чья помощь. А я еще дышу, хотя легкие будто забиты стекловатой. Мое любопытство сгорает, уступая место первобытному ужасу. Инстинкт самосохранения, к счастью, во мне все ещё присутствует. И сейчас он отчётливо говорит. Нет, кричит. Умоляя меня как можно быстрее убраться с этого места.

Миллиметр за миллиметром я отступаю. Подошвы неслышно касаются мусора и битого кирпича, пока я пытаюсь раствориться в тенях. Внутри бушует смесь ледяного ужаса и обжигающего адреналина — знакомый коктейль, заставляющий сердце работать на пределе.

Я уже готова сорваться на бег, ища спасения в свете уличных фонарей, когда тишину разрывает грохот. Один из мусорных мешков, лежащих неустойчиво на самом верху бака, решил оказаться предателем. Он слетел вниз на землю, с треском приземлившись у моих ног. Пара коробок и протухшие объедки рассыпались по земле.

Монстр замирает. Огромный силуэт, подавляющий своей массой всё пространство переулка, резко разворачивается ко мне. Расстояние между нами ничтожно, но его давящее присутствие ощущается так близко, будто он уже сжимает пальцы на моем горле.

Лица не видно, только горящие в темноте глаза. Глаза не человека, нет, и даже не зверя — это глаза монстра, вышедшего на охоту, жаждущего крови.

Моей крови.

Ледяной разряд прошивает позвоночник, вышибая кислород из легких. Сердце пускается в безумный, ломаный галоп, вбиваясь в ребра в попытке сбежать из этой западни раньше меня.

Двигайся, Лея.

Я тебя умоляю.

Беги!

БЕГИ!

Но тьма оказывается быстрее. Резкий рывок, и стальные пальцы впиваются в мои плечи, едва не кроша кости в пыль. Ослепляющая вспышка боли парализует сознание, и мой крик захлебывается, превращаясь в жалкий, прерывистый стон.

Меня разворачивает по инерции. Мир вокруг схлопывается в безумный калейдоскоп: рваные граффити на стенах, ключья беззвездного неба и тусклое пятно далекого фонаря.

Удар.

Спина встречается с холодным кирпичом. Из легких с хрипом вылетает последний воздух, оставляя внутри лишь пульсирующую пустоту. Силы оставляют меня. Я сползаю по шершавой стене, чувствуя, как камень сдирает кожу и рвет ткань свитера. Колени с глухим стуком врезаются в сырую землю.

Вместо крика из горла вырывается лишь надрывный, жалкий хрип.

Зрение плывет, но я отчетливо вижу его. Всего в метре от меня, у самого основания стены, лежит труп. Его рука, точнее, то, что от неё осталось, откинута в сторону. Тёмное, почти чёрное пятно растекается из-под туловища, впитываясь в землю.

Монстр делает шаг, заслоня собой весь мир. Мой последний шанс на спасение тонет в его тени. Я пытаюсь вдохнуть,

но воздух стал тягучим и кислым, словно я дышу гарью. Им невозможно наполнить легкие. Время замерло. Есть только я и этот кошмар, от которого нет пробуждения.

Дыши, Лея!

Черт.

Дыши!

Мозг надрывно орет команды, но тело превратилось в бесполезный кусок льда. Грудь сдавило невидимым корсетом, каждое движение стоит колоссальных усилий.

Короткие, судорожные вдохи воздуха не доходят до лёгких. Он застревает где-то в верхней части горла холодным, бесполезным комом.

— Что это еще за маленький зверек попал ко мне в клетку? — Низкий хриловатый голос приближается, и пространство между нами схлопывается. С каждым шагом моя реальность сужается до одного этого человека. — Кажется, сегодня я пополню свою коллекцию ещё одним прекрасным экспонатом. Не так ли, юная леди?

Он опускается на корточки рядом. Теперь я вижу его глаза. Темный карий мед, в котором нет ни капли человеческого — только бездонная, выжженная ненависть ко всему живому. Черная маска скрывает лицо, оставляя лишь этот хищный, препарирующий взгляд.

Его глаза медленно ползут по моей коже. От лица к шее, вниз, к беззащитной ложбинке между ключицами. Он не смотрит на меня как на человека. Скорее оценивает как тро-

фей.

— Ты убил человека...

— Конечно, — он скалится под маской, и этот тихий, вкрадчивый смех заставляет мои внутренности сжаться. — А как иначе я должен был заполучить его в свою коллекцию?

Теплое дыхание с горьким привкусом ментола и бергамота обжигает лоб. В обычной жизни мне очень нравится чай с бергамотом, но в этот раз, это ни что иное, как запах предшествующей смерти.

— Такое прелестное личико, отлично смотрелось бы у меня в коллекции.

Рука в черной кожаной перчатке тянется ко мне. Я пытаюсь отпрянуть, но затылок с силой врывается в кирпич. Вспышка боли ослепляет, заставляя все тело замереть. Его рука вцепляется в мой подбородок. Хватка такая стальная, что я слышу подозрительный хруст собственных челюстей. Он крутит мою голову, выставляя лицо под скудный свет, словно оценивает качество товара.

— Чёртов маньяк!

Ткань маски дергается. Его это забавляет?

— Так у этого маленького создания ещё и острый язычок. — Прежде чем я успеваю ответить, его большой палец грубо надавливает на мои губы, заставляя челюсть с неприятным, сухим щелчком разомкнуться. Острая, короткая боль пронзает висок, будто в сустав вогнали иглу. Не удовлетворившись, он проталкивает палец глубже, цепляясь за ниж-

нюю челюсть изнутри. Сустав упирается в чувствительную плоть под языком, на котором уже разливается привкус дорогой кожи и меди. — Даже не знаю, что выбрать, — шепчет он, притягивая меня почти вплотную. — Забрать тебя по частям или же целиком.

Слезы, которые я так упорно сдерживала, хлынули ручьём. Они не приносят облегчения, только застилают мир мутной, дрожащей пеленой.

— Тебе кто-нибудь уже говорил, что в твоих глазах можно утонуть?

— Надеюсь, ты в них захлебнешься, придурок, — фыркаю я, пытаюсь скрыть панику за злостью.

Он молчит. Вместо ответа из кармана брюк появляется тонкий хирургический скальпель. Холодная сталь на миг ловит отблеск фонаря и тут же исчезает в тени, прижимаясь к моей шее.

Я замираю. Лезвие ледяное, и прямо под ним я чувствую лихорадочный, сумасшедший бег своей крови. Каждый удар пульса бьется прямо в острие.

— Чувствуешь? — его голос падает до интимного шепота. — Здесь находится артерия. Один точный надрез, — лезвие медленно, почти ласково ведет тонкую линию по моей шее. — И все закончится почти мгновенно. Ты даже не поймешь, как погаснет свет. — Сталь скользит ниже, к ключице, замирая у самого края ткани. — А если выбрать другое место, то можно растянуть удовольствие. Послушать, как ты дышишь.

Насладиться тем, как медленно темнеют и закрываются твои бездонные глаза.

Я резко отворачиваюсь. Не дам ему насладиться моим страхом. Мне и раньше приходилось иметь дело с психопатами, но этот — первый, кто заставил меня по-настоящему поверить в собственную смерть.

— Такие сочные губки не должны оставаться все время закрытыми, — шепчет он. Запах некогда любимого бергамота становится невыносимым. Я зажмуриваюсь, готовясь к удару, к резкой вспышке боли. Но он лишь проводит тупой стороной скальпеля по моей щеке, сгоняя сталью слезу. А затем снова прижимает острое к горлу. Одно движение. Всего одно движение — и тишина. — Поскольку ты первая, кто смог застать меня за работой, я пощажу тебя. Но такая услуга стоит очень дорого.

— Сколько?

— Ты ведь не думаешь, что дело в деньгах, — в его голосе появляется едва заметная усмешка. — Ты доставишь мне удовольствие этими пухлыми губками. В противном же случае они навсегда замолкнут, а твоё прекрасное фарфоровое личико займёт почётное место в моей коллекции. Выбор за тобой.

Я сижу тихо, не в силах вымолвить ни слова. Что бы я ни выбрала, я все равно проиграю.

— Выбирай, — повторяет он, и голос теряет всякую приговорную мягкость.

Сталь сильнее впивается в кожу, оставляя после себя жгучую боль. Я ахаю, и в ту же секунду теплая, липкая струйка крови медленно ползет по коже к ключице.

— Так или иначе, эти губки все равно станут моими. Правда, только в одном случае они будут еще теплыми.

Мысли путаются и мечутся из стороны в сторону. Неужели я и правда могу вот так просто закончить свою жизнь и остаться навсегда объектом для дочки в руках этого придурка?

— Жить, — хриплю я, сильнее вжимаясь в кирпичи. — Я хочу жить.

Давление на шее слабеет, но лезвие не убирают. Вместо этого он поднимается во весь рост и тянет меня за подбородок вверх. Я срываюсь с опоры и оказываюсь перед ним на коленях, вынужденная смотреть снизу вверх.

Только теперь я могу рассмотреть его. Мужчина под два метра ростом. Черное худи обтягивает рельефное тело, подчеркивая каждый мускул на руках и крепкий торс. Лицо все еще закрывают глубокий капюшон и темная маска, оставляя самую опасную и в то же время самую уязвимую часть — глаза.

Он дышит ровно. Я слышу каждый его вдох и выдох, а свое собственное дыхание поймать так и не могу. Оно сбивается, рвется где-то в груди. Впрочем, как и всегда.

Не отводя от меня взгляда, он расстегивает ремень. Потом медленно тянет молнию джинсов вниз, смакуя каждую

секунду моего страха.

Член вырывается наружу, и новый виток ужаса, липкого и тошнотворного, сковывает меня по рукам и ногам. Большой и твердый, под плотно натянутой кожей пульсируют синие вены. Не знаю, что его так возбуждает: убийство человека или же девушка, загнанная в ловушку. Не знаю и знать не хочу.

— Ну же, детка, — произносит он, приближаясь. — Посмотрим, на что ты способна. Оставь всю свою помаду на мне.

Холодное лезвие снова вжимается мне под челюсть, вынуждая податься вперед, прямо к его обнаженным бедрам. Я зажимаюсь. Слезы сами катятся по щекам, смешиваясь с грязью и теплой кровью, которая еще не успела остановиться на шее.

Гладкая горячая поверхность касается моих губ и начинает водить по ним из стороны в сторону. Губы интуитивно сжимаются сильнее, но трение не останавливается. Наоборот, я чувствую что-то влажное, разливающееся по моим губам.

— Соси, — приказывает он.

Его пальцы вцепляются мне в челюсть и грубо разжимают рот. Я приоткрываю лишь малую часть. Головка медленно входит, но никак не может продвинуться дальше. Чувствую себя беспомощной и униженной.

— Шире, — его голос звучит у самого уха, и лезвие тут

же снова касается шеи.

Член проскальзывает внутрь. Глаза наконец открываются от натиска чужой плоти, растягивающей уголки губ. Все, что я могу делать, это просто держать рот как можно шире. Воздух перестает поступать. Я пытаюсь дышать носом, но паника сжимает горло мертвой хваткой. Когда он пытается надавить глубже, мое тело взбунтовалось. Горло сжалось в мучительном спазме, рвотный рефлекс подкатил к самому выходу. Я дергаюсь назад, захлебываясь собственным ужасом. Откашливаюсь и сплевываю на асфальт вязкий, солонатовато-горький вкус его кожи, от которого снова подкатывает тошнота.

— Мы можем насладиться процессом вместе или же довольствоваться тем, как я вырезаю твои губы для своей лекции. — Он вновь ухватился за подбородок и мы встретились взглядами. — Ну что ж, похоже, мне все-таки придется научить тебя доставлять мне удовольствие.

— Ты псих, — прохрипела я, с трудом выговаривая слова сквозь ком в горле.

— Я никогда и не отрицал этого, — парировал он. — Но ты ведь сама выбрала мой член. Помнишь?

— Я выбрала остаться в живых!

— Остаться в живых с моим членом во рту, — произносит он, и рука цепляется мне в волосы у самых корней, резко запрокидывая голову. Боль пронзает кожу. — А теперь будь хорошей девочкой и дай мне наполнить тебя собой.

Его пальцы снова давят на челюсть, заставляя рот открыться шире. И прежде чем я успеваю что-то сделать, он входит до самого горла.

Воздух перекрывает полностью. Весь мир сужается до одного невыносимого ощущения беспомощности. Он двигается как тряпичной куклой, погружая себя все глубже с каждым разом. Глаза закатываются, а в ушах раздается неприятный звон.

— Вот так Да, детка, принимай всего, всего меня, — его рычание, прерывистое и хриплое, доносится откуда-то сверху. Я мельком вижу, как напрягаются мышцы торса. Он явно наслаждается процессом.

Меня снова начинает рвать. Горло бешено сжимается, пытаюсь вытолкнуть инородное тело.

— Если ты сейчас сделаешь то, о чем думаешь, мне придется вставить свой член не только в твой прелестный ротик. У нас еще масса прекрасных вариантов, которые я не проч попробывать. Открой рот пошире и не сопротивляйся. Расслабь горло и получай удовольствие, как это делаю я.

И он входит в меня до упора. Я выгибаюсь в надежде отвернуться. Но волосы, намотанные на его кулак, не дают мне двинуться с места. Каждый толчок отдается болью в челюсти, каждый уход вглубь лишает последних крох кислорода.

Его движения становятся резче, быстрее. Низкий рык сменился протяжным, хриплым стоном.

— Не пророни ни капли, — прошипел он сквозь стисну-

тые зубы. Его бедра на секунду замерли, вогнав член на последнюю, невозможную глубину, заставив мое тело содрогнуться в немом крике. — Ты должна попробовать меня целиком.

Горячий, густой поток наполняет мое горло. Он кончает, держа мою голову в железной хватке, не давая мне отстраниться ни на миллиметр. Рычание усиливается, наполняя пустой переулок грубым мужским басом.

Монстр вынимает член из меня, и я подаю вперед, давась собственной слюной и его спермой.

Когда я наконец поднимаю голову, сквозь слезы вижу его силуэт. Он спокойно, без лишней суеты, застегивает джинсы. Затем просто разворачивается и уходит в темноту, туда, где одинокий фонарь режет ночь тусклым светом.

Я остаюсь на коленях, дрожа от холода и шока. Тело не слушается, мысли вязнут. Во рту горький привкус слез и пережитого ужаса. Рядом, всего в нескольких шагах, лежит убитый мужчина. Только теперь уже без одной руки.

Глава 2. Коллекционер.

Машина замирает у ворот Колумбийского университета. Чёрный «Мустанг» резко контрастирует с потрепанными рюкзаками и яркими толстовками вокруг. Студенты скалятся в улыбках, спорят, живут свою никчемную жизнь.

Расстегиваю пару верхних пуговиц на рубашке, обнажая стальные мышцы шеи, и выхожу в сырую осень.

Прохладный воздух пахнет свежескошенной травой. Под ногами хлюпают лужи, пачкая подошву дорогих туфель.

Вымощенная плиткой дорожка ведёт в самую гущу студенческой суматохи. Кто-то бежит, прижимая к груди стопку бесполезных книг, роняя на ходу тетради, которые тут же разносит ветер, а кто-то даже не думает торопиться на первую пару, разглядывая сообщения в своём телефоне.

Я иду сквозь толпу, и они расступаются. Не потому, что я вежлив, а потому, что хищника видно издалека. Девушки ломают шеи, провожая взглядом мой костюм. Глупые дети. Они видят лоск, но не видят острых углов под ним.

Кампус Морнингсайд-Хайтс встречает запахом старого дерева, пыли и кофе. Полумрак приятно давит на глаза. Делаю пару шагов к центру холла, как из тени колон уже материализуется фигура.

— Нейтан! — голос Кривза такой же звонкий, как и каждый год в этот день. Он направляется ко мне широко улы-

баясь и протягивает руку. Ладонь у старика сухая, шершавая. Пальцы дрожат сжимая мою руку. — Выглядишь внушительно, — продолжает он. — Для моих студентов это бесценный опыт, пообщаться с тем, кто не просто читает учебники, а применяет знания на практике. Да и ты не такой древний, как я, — он хрипло смеется, похлопывая меня по плечу.

— Не стоит, профессор, у меня на этот визит свои планы. Мы идем по длинному коридору. Быстрые шаги отдаются эхом на каменном полу. Кривз семенит рядом, сбиваясь с дыхания. Стены увешаны портретами учёных, директоров и пыльными грамотами. Словно склеп, маскирующийся под храм знаний.

— Твои исследования в нейробиологии — это именно то, чего не хватает в программе, — частит он, вытирая пот со лба. — Сухая теория ничего не стоит без понимания... изнанки.

— С изнанкой я знаком лучше, чем кто-либо другой.

Смотрю вперед на толпу подростков в коридоре. Глупый расходный материал. Почти каждый из них рискует быть убитым в качестве жертвы эксперимента или же жить в постоянной опасности в моей команде. Сейчас человеческая жизнь — самый дешевый ресурс, если знать, как им распоряжаться. Пальцы непроизвольно сжимаются в кулак. Кожа перчаток скрипит. Тем более что я нахожусь по обе стороны этой изнанки.

Аудитория 304. Огромный амфитеатр задыхается от гула минимум трехсот человек. Студенты рассаживаются, хлопают крышками ноутбуков, щелкают ручками. Этот звук начинает раздражать. Где-то наверху басит музыка из наушников. Какой-то сопляк в первом ряду развалился на стуле, в точности как дома на кровати. Очередной богатый наследник, чьи мозги не стоят и цента.

Прохожу к столу из темного дуба и располагаю на нем свой ноутбук. Затем подключаю кабель — проектор отзывается низким гулом. Поправляю галстук, и пальцы на мгновение задерживаются на золотистой броши.

— Гарет, я на месте. Как видно? — тихо спрашиваю я, не поднимая головы, будто проверяю микрофон.

— Нейт, картинка с камеры на галстук идеальная. Но сдвинь ноутбук на двадцать градусов влево, иначе правое крыло теряется из кадра, — раздаётся в наушнике спокойный, собранный голос.

Я едва заметно поддвигаю компьютер на нужный ракурс. На экране за моей спиной вспыхивает первый слайд с логотипом моего частного исследовательского института.

— Нейтан Риверс, ведущий специалист в области нейробиологии, мой лучший выпускник и, надеюсь, ваш вдохновитель на сегодняшний день, — объявляет Кривз.

Я медленно оглядываю аудиторию, задерживаясь на ряду, где студенты уже перестают шептаться и начинают ждать.

Вдохновитель.

Почти смешно. Я здесь только затем, чтобы получить выгоду для себя, но никак не для того, чтобы нянчиться с детьми. Большинство из них не решат и половины задач, с которыми я сталкиваюсь каждый день. Но это неважно. Мне нужны только лучшие из лучших.

Подхожу к трибуне и щёлкаю выключателем. Темнота окутывает пространство вокруг, оставляя лишь незначительное светлое пятно позади меня.

— Мозг, — начинаю без прелюдий. — Забудьте чепуху про храм души. Это кусок мяса. Полтора килограмма нейронных волокон, плавающих в химическом бульоне. Самое уязвимое место в вашем теле и самое опасное.

Делаю незначительную паузу, дав словам возможность осесть.

— Он даёт вам всё: речь, память, те нелепые иллюзии, которые вы называете любовью или страхом, — переключая слайд, не сводя взгляда с аудитории. — Но самое забавное: он может всё это забрать за доли секунды. Прямо сейчас, пока вы сидите здесь и залипаете в телефоны, ваш мозг решает, пойдёте ли вы после пары помогать бабушке перейти через дорогу или решите посмотреть, как она поскользнётся и упадёт под автобус. — Перехватываю взгляды девушек в первом ряду. Они наполнены ужасом и непониманием. — Всего один сбой в цепи, — я выпрямляюсь и щелкаю пультом. На стене вспыхивает багровая 3D-модель человеческого мозга, вращающаяся в темноте. — Одна дисфункция — и вы пре-

вращаетесь в то, что общество привыкло называть монстром.

Указываю рукой на переднюю часть проекции.

— Префронтальная кора. Здесь вы прячете свою совесть. Здесь живет ваш самоконтроль. Но стоит тонкому сосуду лопнуть, стоит одной бляшке перекрыть кровоток — и вчерашний образцовый муж забивает соседа монтировкой. Не из ненависти. Просто потому, что звук телевизора за стеной стал... неуместным.

Следующий слайд. Два снимка МРТ, похожие на серые кляксы Роршаха.

— Височные доли. Обработка лиц. Видите это темное пятно? — не глядя, бросаю руку в сторону, указывая на один из снимков. — Опухоль. Хозяин этого мозга, учитель математики, в один вечер перестал узнавать жену. Она стала для него «чужим объектом». Незнакомкой, которая пробралась в его постель. Приступ паники, перешедший в чистую агрессию. Он почти закончил душить её подушкой, когда ворвалась полиция.

Делаю паузу, чтобы они успели представить это сами. Затем перевожу взгляд вновь на аудиторию. Несколько лиц бледнеют. Кто-то опускает глаза в тетрадь, чтобы не столкнуться с моими.

— Лимбическая система, — продолжаю я. — Эмоциональная реакция. Гиппокамп склеивает воспоминания. А миндалевидное тело это ваш внутренний сигнал тревоги. Он кричит: «Угроза! Бей или беги!». Но у некоторых оно мол-

чит. — Я провожу пальцем по схеме на экране. — У части преступников, у тех, кто режет людей как скот, эта штука часто либо спит, либо сожжена дотла. Они не видят человека. Они видят объект. Иногда — мясо. Иногда — игру. Им совершенно не страшно, даже напротив, им интересно.

Пролистываю так еще несколько схем. Каждый слайд — это не теория. Это конкретный труп, конкретная сломанная жизнь.

— Это не просто теория, — говорю я, отступая от экрана. — Это карта. А человек — территория. Карта бесполезна, если вы не умеете ее использовать. Не так ли?

Последний щелчок пульта. На экране возникает QR-код.

— Достаньте телефоны, — говорю я. — Откройте тест. Десять кейсов. Поведение, симптомы, снимки МРТ. Ваша задача — определить не диагноз, а зону поражения. Где сломался механизм. Что именно перестало работать и каковы будут последствия.

Смотрю на часы.

— Семь минут. Время пошло.

Сразу поднимается тихий шум. Телефоны вынимают из карманов, по залу идут шорохи и шёпот. Я отворачиваюсь к окну и смотрю на серое небо над пока еще зеленым парком.

Они решают задачки. А я каждый день хожу по настоящей территории. И знаю: иногда карта не помогает. Чаще всего чужой разум — это тёмный район без фонарей, где ты идёшь на ощупь, пока не находишь единственный выход. Смерть.

Когда она приходит, уже неважно, почему человек сломался. Важно только то, что он больше не опасен.

Кривз что-то шепчет мне в спину, но я не оборачиваюсь. Вдохновитель, как же. На самом деле я просто показываю им пропасть, в которую рано или поздно может прыгнуть каждый, а вот как они будут из нее выбираться или не будут — уже их личный выбор.

— Интересная выборка, — мой голос звучит тихо, пока я изучаю ряды студентов. — Только медики?

— Медики и старшие курсы психологов. Лучшие из лучших. Надеюсь, не слишком тебя напрягут и покажут хорошие результаты.

Конечно, каждый год одно и то же, никаких результатов, которые могли бы меня заинтересовать.

Поправляю манжет пиджака, намеренно отворачиваясь от зала. В ухе оживает микрокапсула гарнитуры.

— Гарет. Что там с цифрами?

— Хлам, Нейт, — сухо отвечает он. — Ответы идут довольно быстро, но статистика предсказуема. Средний балл — сорок. Они путают социопатию с банальной неврастенией. Время впустую, как и каждый год.

Согласен. Пора оставить эту затею. Дельного мы здесь все равно ничего не найдем. Закрываю ноутбук и убираю его обратно в чехол.

— Нейт, подожди.

— В чём дело, Гарет?

— У нас выброс. Не могу точно сделать заключение, но либо это всего лишь сбой алгоритма, либо же у тебя появился повод не сжигать этот университет дотла.

— Говори.

— Сто из ста. Девушка. ID-77. По нашей внутренней шкале это твой уровень, Нейт, но я думал, кроме тебя, столько никто не набирал.

Горячая волна хищного любопытства вскрывает позвоночник, проходя от затылка до самого копчика. Медленно сжимаю и разжимаю кулак, прислушиваясь к тому, как похрустывает сустав.

— Если это не слепая удача, то нам сегодня чертовски повезло.

Таймер на экране отсекает последнюю секунду красной вспышкой. Аудитория наполняется облегченными вздохами.

Нажимаю на кнопку, и над головой всплывает диаграмма. Десятки серых, жалких столбиков толпятся у нижней границы, словно надгробия на заброшенном кладбище. И только один, ярко-алый, пробивает потолок, замирая на отметке в сто баллов.

Студенты оглядываются и перешептываются в поисках того самого, перешедшего среднюю границу нормы. — Вот о чем я и говорил. Знания из учебников — это мусор, если вы не умеете применять их на практике, — повышаю голос, чтобы точно услышали все. — Знания не спасут вас, когда

вы окажетесь в комнате с тем, кто видит в вас не человека, а набор деталей. Необходимо уметь замечать маленькие, никому не нужные детали и доверять своей интуиции.

Я снова смотрю на красный выделяющийся столбец.

— Ваш мозг — не компьютер. — Делаю паузу и провожу пальцами по древнему университетскому монитору, снимая остатки пыли. — Он грязнее, опаснее и умнее любой программы. Доверяйте ему, даже когда он предлагает вам безумные вещи. Особенно тогда. Потому что это не безумие. Это инстинкт. А инстинкт — единственное, что удерживает вас по эту сторону могилы.

Аудитория разражается аплодисментами. Мистер Кривз выходит из-за спины и быстро хватает мою ладонь.

— Блестяще, Нейтан! Только давай в следующий раз не так мрачно. Это все-таки дети.

Быстро киваю и отворачиваюсь к аудитории. Сейчас меня заботит только одна мысль. Где-то здесь есть человек, чьи мысли на сто процентов совпадают с моими.

— У меня есть вопрос.

Голос доносится из глубины амфитеатра.

Зал замирает. Сотни голов поворачиваются назад, как по команде.

— Мисс Браун! — Кривз дергается, его голос срывается на фальцет. — Кто позволил вам прерывать? Лекция завершена!

Я вскидываю руку, едва не задев его по лицу. Резкий жест

заставляет Кривза отклониться в сторону и замолчать.

— Один вопрос не помешает, — бросаю я, не глядя на него. — Только для начала представьтесь.

В центре среднего ряда начинается движение. Невысокая фигура поднимается с места. Свет проектора омывает её, заставляя светлые волосы вспыхнуть холодным свечением.

Отступаю в тень.

Зрачки расширяются, пытаюсь захватить каждую деталь. Секунда. Другая.

Мир вокруг рассыпается в прах.

Это она.

Та самая девушка, чьи пухлые губки не так давно с такой любезностью ласкали мой член. Следовало еще тогда вырезать их и оставить на моей плоти. Навсегда.

Кровь тяжелой волной отливает от сердца, скапливаясь внизу живота. Мышцы спины каменеют. Представляю, как прогибаю её через холодный лекторский стол, как рву тонкую ткань ее платья и вхожу в нее до упора. Как её пальцы, оставляя глубокие борозды, впиваются в отполированное дерево, и она кричит, кричит моё имя от наслаждения.

— Лея Браун, — её тонкий голос вырывает меня из этой мучительной фантазии.

С этого расстояния она кажется хрупким крольчонком, замершим перед пастью волка. Но её взгляд в нём нет той мольбы, которую я привык видеть.

— И какой же вопрос вы хотели задать, Лея Браун? — я

произношу её имя медленно, пробуя каждый слог на вкус.

Девушка едва заметно вздрагивает, когда наши глаза встречаются. Она не знает. Не может знать, что человек в дорогом костюме, стоящий за кафедрой, и тот зверь, что едва не перерезал её горло в сыром переулке — это одно и то же лицо.

— У нас сегодня должна была быть лекция по криминальной психологии, которую вы заменили, — она делает паузу, и я вижу, как бьется жилка на её шее. — В связи с этим я хотела бы извлечь из вашего визита хоть немного практической пользы.

Кривз рядом со мной набирает в легкие воздух, готовый взорваться очередным замечанием, но я выставляю ладонь, обрывая его на полуслове.

— Продолжайте, — приказываю я.

Моё внимание приковано к её губам. За этой фарфоровой кожей прячется нечто иное. Я чувствую это.

— Вы говорили о мозге в контексте патологий. Если взять, к примеру, серийного убийцу. Маньяка. Что происходит в их голове? Какие отделы мозга отвечают за жажду крови?

В аудитории становится так тихо, что слышен шум от ламп. Голос девушки не дрожит. Он пугающе ровный для темы, от которой у других студентов сводит челюсти. Мой интерес растёт все больше с каждым новым движением ее бездонных глаз.

— Хороший вопрос, мисс Браун. Если мы говорим сугубо

о структуре, не учитывая социальные факторы, в таком случае у человека нарушается слаженная работа сетей мозга, которые отвечают за «эмоциональный отклик», самоконтроль и оценку социальных сигналов. Уменьшение объема серого вещества в префронтальной коре и височных долях затрудняет процесс оценивания этических аспектов своих поступков. А дисфункция миндалевидного тела притупляет реакции на угрозу. — Девушка не отводит взгляд. Зрачки водит по моему лицу изучая каждый изгиб. — Страх для них — лишь теоретическое понятие, — продолжаю я, присоединяясь к игре в гляделки. — Агрессия не встречает внутренних барьеров. Но это лишь часть картины. — Делаю шаг к краю трибуны, нависая над залом, сокращая невидимую дистанцию между нами до минимума. — Скажите, мисс Браун вам что, уже доводилось встречаться с таким человеком?

Щеки Леи вспыхивают румянцем. Ей идет это смущение. Делает ее более уязвимой... И желанной.

— Я? Нет, — она опускает взгляд и быстро скрещивает руки на груди. — Просто стало интересно. Спасибо за ответ.

Девушка садится, пряча лицо за тетрадью, и я замечаю, как весь зал мгновенно цепляется за нее взглядом. Взглядом, за который я готов прирезать каждого из них прямо здесь и прямо сейчас.

— Помните, — добавляю я, обращаясь ко всем, не отпуская Лею из поля зрения, — чтобы назвать кого-то маньяком, необходимо сначала в этом убедиться. Есть большая разни-

ца между тем, когда жажда крови — это патология, и тем, когда это вынужденная мера. Ключевое различие

— Мотив, — перхватывает она не поднимая глаз.

Хорошая девочка. С каждым своим звуком, сама того не ведая, привлекает к себе самую большую опасность в своей жизни. Меня.

Кривз выпрямляется рядом и, словно спеша вернуть лекцию в безопасные рамки, хлопает ладонью по столу.

— На этом заканчиваем. Студенты-медики, можете быть свободны. Пары по расписанию никто не отменял.

Стулья заскрипели. Аудитория начала оживать, но Лея не двинулась с места. Значит, все-таки психолог. Я заинтригован.

Девушка что-то быстро пишет в тетради, и я невольно задерживаю взгляд на ее склоненной голове, на напряженной линии плеч, на том, как сосредоточенно она ведет ручкой по бумаге.

— Итак. Ваше финальное задание для диплома, — объявляет Кривз оставшимся, — анализ закрытого уголовного дела. Материалы в архиве будут доступны по вашим студенческим с понедельника. Мне нужен не пересказ. Мне нужен полноценный разбор: биография преступника, медицинские данные, характеристики жертв, динамика действий и, главное, предполагаемый мотив.

По аудитории прокатывается шорох. Краем глаза замечаю как рука Леи стремится вверх.

— Да, мисс Браун, — Кривз кивает ей в знак согласия.

— Я уже выбрала дело, — говорит она четко. — Можно записаться сейчас?

Кривз моргает, явно не ожидая такой решимости.

— Конечно. И на кого пал ваш выбор?

В аудитории становится тихо. Даже шум сдвигаемых стульев стихает.

— На «Коллекционера», — произносит она.

Студенты переглядываются. Кривз на секунду меняется в лице от удивления. А я только медленно выпрямляюсь, чувствуя, как губы сами складываются в холодную улыбку.

«Коллекционер».

Что ж, Лея Браун. Если ты выживешь, я сделаю тебя самым ценным экспонатом моей коллекции.

Глава 3. Экспонат.

— Лея, ну пойдём уже, — Николь закатывает глаза и прижимается плечом к косяку. — Пары закончились. Я хочу наконец-то добраться до дома и опустить свои уставшие ноги в горячую ванну.

Она снимает один каблук, морщится и растирает пятку. Я не спешу. Складываю учебники в сумку медленно, почти демонстративно, будто еще не решила, уходить мне или остаться. На самом деле я просто тяну время.

Библиотека.

Эта мысль не отпускает меня с самого утра. Я обещаю себе подойти туда уже неделю, но каждый раз что-то мешает: то лекции затягиваются, то Николь тянет меня за собой, то я сама нахожу тысячу причин отложить этот разговор.

Сегодня откладывать уже некуда. Последний день приема заявлений. Если объявление в холле все еще висит, значит, место до сих пор свободно.

Николь надевает туфлю обратно и выпрямляется. Чёрные волосы рассыпаются по спине, подчеркивая тонкую талию и уверенную осанку.

— Зачем ты вообще носишь такие каблуки? — спрашиваю я, не поднимая головы. — Ты каждый раз жалуешься, что у тебя болят ноги. И каждый раз приходишь в них снова. Жизнь тебя ничему не учит.

— Ничего-то ты не понимаешь, — фыркает подруга. — Девушка всегда должна быть во всеоружии. Особенно в нашем университете. Здесь на каждом углу либо будущий олигарх, либо сынок какого-нибудь сенатора. А в этих туфельках мои ноги выглядят длиннее. К тому же, задница при походке в них просто огонь.

— Это твоё субъективное мнение, — смеюсь я и наконец застегиваю сумку.

— Нет, объективное мнение парней, которые каждый день караулят меня возле аудитории. — Николь поднимает подбородок и бросает на меня быстрый взгляд через плечо. — Между прочим, тебе бы тоже не помешало попробовать. Тебе почти двадцать один, Лея. А ты до сих пор одна.

— Спасибо за заботу, но смазливые богатенькие мальчики меня не интересуют. Все их достижения — это деньги и фамилия отцов. А сами они пустые.

Николь кривит губы в улыбке, будто я сказала что-то смешное.

— Ну и зря. С ними хотя бы можно поразвлечься. — Она поправляет юбку, приподнимает подол ровно настолько, чтобы лишний раз продемонстрировать свои длинные ноги, и проходит вперед по аудитории своей фирменной походкой от бедра. — Или ты что, как маленькая девочка, все еще веришь в настоящую любовь до гроба.

Я выдыхаю медленно, чтобы не дать словам зацепить меня глубже, чем нужно. Не то чтобы настоящую любовь до гроба,

но я не позволю больше никому так издеваться надо мной.

Университетский дворик выглядит уныло на фоне низких серых туч. Пахнет мокрым асфальтом, прелыми листьями и надвигающимся дождем. Воздух разряжен, как перед грозой.

Странно. Еще утром прогноз настаивал на том, что осадков не ожидается.

Машинально тяну рукав свитера ниже, будто тонкая ткань может защитить от холода. Часы впиваются в запястье. Без двадцати восемь.

— Чёрт!

Николь вздрагивает так, что едва не выпускает телефон из рук. Она прижимает ладонь к груди и смотрит на меня так, будто я только что выскочила на неё из кустов с ножом.

— Лея! — она шумно выдыхает. — Ты вообще нормальная? Я чуть инфаркт не словила.

— Прости, — я уже пятюсь назад, лихорадочно поправляя ремень сумки на плече. — Я забыла. Мне нужно в библиотеку. Срочно.

Николь морщит нос.

— Сейчас? — она бросает быстрый взгляд на небо, потом снова в экран. — Ты издеваешься?

— Нет, — я мотаю головой и чувствую, как внутри начинает подниматься знакомая паника. — Там вакансия на полставки. Если я не успею сегодня, место отдадут кому-то другому.

— Лея, я тебе сто раз говорила: просто возьми деньги у

меня, — Николь пожимает плечом. — Зачем тебе вешать на себя ещё и работу? У тебя и так учёба с утра до ночи.

— Потому что это не твои проблемы, Николь. И потому что я не хочу жить в долгах.

Она закатывает глаза.

— Боже, опять. Я же не проценты с тебя беру.

— Дело не в процентах.

— У меня нет семьи, которая в любой момент переведёт нужную сумму. И нет лишних денег, чтобы потом за раз всё вернуть. Если я что-то беру, я становлюсь должной. А я этого не хочу.

На мгновение между нами повисает тишина. Мимо проходят студенты, кто-то смеётся, хлопает дверьми, где-то вдалеке сигналит машина.

Николь выдыхает через нос и убирает телефон в сумку.

— Ладно. — Она склоняет голову набок. — И сколько тебе нужно времени на спасение своей финансовой независимости?

— Десять минут. Максимум пятнадцать. Подожди меня в кофейне за углом, пожалуйста.

Николь щурится.

— Ты серьёзно хочешь, чтобы я торчала там одна, пока ты носишься по библиотеке?

— Да.

— Лея

Из-за погоды сумерки сгущаются слишком быстро. Тени

под деревьями становятся глубже. Фонари ещё не загорелись, и двор зависает в полумраке.

— Ты знаешь, почему я не хочу идти одна до общежития. Николь молчит.

Я ненавижу напоминать. Ненавижу, как после этих слов меняются лица людей, будто они видят не меня, а трещину, которая проходит через меня насквозь.

— С первого сентября ты сама начала подвозить меня по вечерам, — тише добавляю я. — И не потому, что тебе скучно, а

— Хорошо, хорошо. Но если ты пропадёшь дольше, чем на пятнадцать минут, я закажу самый дорогой десерт. И запишу его на твой счет.

— Справедливо.

— И кофе тоже.

— Николь.

— И чаевые.

— Ты чудовище.

Она усмехается и уже отступает к дорожке, ведущей за угол.

— А ты драматизируешь. Беги давай, трудоголик.

— Я быстро!

— Все так говорят, — бросает она через плечо и машет рукой, не оборачиваясь.

Разворачиваюсь и срываюсь с места.

К счастью, библиотека находится в соседнем корпусе.

Всего каких-то пять минут, и я уже толкаю тяжёлую деревянную дверь.

Место и правда странное. Перед парами я успела прочитать о том, что библиотеку построили на месте старой теплицы, которую когда-то хотели снести из-за плохого освещения, но в итоге все же оставили.

На фоне исторических построек Колумбийского университета стеклянные стены библиотеки кажутся неуместными. Но все же и такое сосуществование вполне возможно. Хотя эти стили так сильно отличаются друг от друга.

Вбегаю внутрь, и дверь с тяжелым хлопком отделяет тишину от уличной суматохи.

Протискиваюсь между высокими деревянными стеллажами в поисках хоть одной живой души. Никого.

Где-то за стеллажами раздаётся шорох и тихое кряхтение. Я невольно выпрямляюсь.

— Миссис Эй, миссис!

Из-за дальнего ряда появляется женщина. Нет, не женщина, а маленькая, кругленькая старушка в вязаном кардигане, который ей явно велик. Она несёт стопку книг почти до подбородка, очки сползают на кончик носа, и она безуспешно пытается поддеть их верхним переплетом.

— Я успела? — выдыхаю я, всё ещё запыхавшись. — Вы ведь ещё никого не наняли, правда?

Она щурится сквозь толстые линзы.

— Наняли? — её голос хриплый. Видимо, она долго мол-

чала. — Ах да вакансия. Помощник, верно? — Она криво усмехается, и книги в её руках опасно кренятся в сторону. — Честно говоря, я думала, никто не придет сюда на работу в здравом уме. Ты правда хочешь проводить здесь всё свободное время? И за такие-то деньги?

— Книги всегда были моими лучшими друзьями. Думаю, лучшего места для работы мне сейчас не найти.

Она подходит ближе и осторожно перекладывает огромную стопку мне в руки.

— Ну что ж похоже, мы с тобой поладим, — она кивает, будто сама себе. — Я Элси.

— Лея, — быстро представляюсь я.

Элси достаёт из кармана увесистую связку ключей и вкладывает мне в ладонь. Металл холодит кожу, и связка тут же тянет руку вниз.

— Разложишь книги со столов по полкам и закроешь библиотеку. Мне надо успеть за внуком в сад, если ты не против.

Я лишь быстро киваю, боясь, что, если открою рот, то выроню эту бумажную башню. Пальцы немеют, ногти впиваются в обложку нижней книги. Как только эта хрупкая женщина таскала их в одиночку?

Едва дождавшись, пока Элси отойдет, я обрушиваю стопку на ближайший дубовый стол. Глухой удар отдается в костях, а в воздух взлетает плотное облако пыли.

— Апчхи! — не сдерживаюсь я, прикрывая нос ладонью. Элси, уже накинувшая на плечи пальто, оборачивается у

самого выхода.

— Ты что-то сказала, дорогая?

— Нет, ничего. Хорошего вам вечера.

Старушка одаривает меня мягкой улыбкой и исчезает за тяжелой дверью.

Остаться одной в этом месте — сомнительное удовольствие. Я оглядываюсь. Библиотека больше напоминает заброшенный лабиринт, чем храм знаний. Самое главное — не встретить здесь минотавра.

Было бы очень некстати.

Огромные стеллажи стоят так плотно, что между ними образуются глубокие, полные теней каньоны. Пыль здесь повсюду. Она словно защитный слой, оберегающий покой мертвых авторов.

Дерево отзывается глухим стуком, когда я одну за другой расставляю книги на старинных полках.

Нет, ну правда. Очень странное место. Как два настолько разных мира могут существовать в одном месте?

Где-то со стороны стеклянной стены доносится странный звук: то ли скрежет, то чьи-то шаги.

Оборачиваюсь.

Никого.

Университетский парк окрашивается в багровые тона, а тяжелые тучи окончательно проглатывают остатки солнца.

Первые капли дождя с силой бьют в стекло. Секунда — и противный шорох превращается в глухой, монотонный гул

ливня.

Я застряла.

Карман начинает вибрировать. Только бы не Николь. Только бы не Николь. Скрещиваю пальцы на руках и открываю смс: «Пью уже вторую кружку кофе. Из-за тебя мне придётся идти в новых туфлях по лужам. >:(».

Быстро отправляю ответ, чтобы не заставлять подругу еще и здесь ждать меня: «Так уж и быть, возьми себе кусочек торта».

Экран гаснет.

Как же мне повезло найти такую подругу. Если учесть, что мы знакомы всего недели три, она уже успела так много для меня сделать.

Достаю наушники и выкручиваю громкость до предела. Оставшееся время я расставляю книги в ритме «Skillet».

Ноги пульсируют от усталости, каждый шаг по паркету отдает в позвоночник. Как только Элси делала все это в одиночку? Да еще и в таком возрасте.

Горка на последнем столе все никак не хочет заканчиваться. Глянцевый бизнес-коучинг, шарлатанская психология, медицина на уровне богов из разряда «одно средство вылечит все за раз». Ужасно. Неужели никто в наше время уже не читает старую добрую классику?

Добравшись до самых дальних полок, растираю серые от пыли рукава. Похоже, что в этой библиотеке никто и никогда не был, кроме Элси, конечно же.

Внезапно впереди вспыхивает пятно. В углу, за последней секцией, дрожит слабый желтый свет. Готова поклясться, что здесь я уже проходила. Но света не было.

Снимаю наушники и аккуратно опускаю их в карман.

На маленьком деревянном столике стоит керосиновая лампа. Свет танцующего пламени хаотично падает на страницы раскрытой книги.

— «Серийные убийцы от А до Я», — проговариваю я в тишину.

Страница, на которой она раскрыта, описывает типичные мотивы серийных убийц: власть, месть, психопатическое удовольствие.

Может, найдется что-то и для моего диплома. Все книги я уже разложила, а дождь все никак не стихает.

Сажусь на пол, опершись спиной о холодный стеллаж, и поджимаю ноги к груди.

Уильям Харгрейв, по прозвищу «Молчаливый Освободитель». Семнадцать жертв за три года. Пойман. Осуждён. Казнён. Только спустя год после его смерти один из следователей, перебирая старые записи, провёл параллель. Все жертвы были насильниками. Харгрейв оставлял на телах метки: «Освобождён».

Но суд закончен. Ничего уже не отменить. Мёртвого не оправдаешь.

Ниже, прямо на полях, размашистым почерком чернильной ручкой выведено: *«Может ли убийство быть актом*

милосердия?»

Зажмуриваюсь до белых искр и вновь открываю глаза. Действительно, так и написано. Несмотря на то, что он убил семнадцать человек, впоследствии люди все же пытались оправдать его.

Горло перехватывает спазм. Чушь. Оправдание для тех, кто хочет нарядить свою жажду крови в мантию высшей справедливости. Семнадцать жизней, погасших, как свечи, — это не милосердие, а холодный расчет.

Никто не имеет права решать, кому жить, а кому умирать. Как бы это не выглядело впоследствии, это скользкая дорожка, в конце которой уже не разберешь, кто жертва, а кто монстр.

Сильный порыв ветра заставляет тело вздрогнуть. Стекло не то чтобы внушает много доверия в такую погоду. Кажется, я даже слышу его дребезжание.

За раскатом грома появляется новая, ослепительная вспышка молнии, на секунду превращающая ночь в день. Весь мой кислород остается где-то в легких, когда я вижу его.

Сквозь мутные потоки воды на той стороне стены застыл силуэт.

Сердце обрывается и летит в бездну. Пытаюсь вскрикнуть, но голос, как бы я ни старалась, не может вырваться наружу.

Это он.

Из-под капюшона смотрят дьявольские глаза. Он не ше-

велится. Просто стоит в трех метрах, пока ливень хлещет по его плечам и пожирает меня взглядом.

Тихо, Лея. Не смей дергаться.

Не показывай, что видишь его.

Медленно, очень медленно приподнимаюсь с пола. Ноги затекли, едва разгибаются, то ли от страха, то ли от неудобной позы. Книга выскальзывает из рук и с глухим шлепком падает на пол. Я аккуратно приподнимаю ее и, не глядя, ставлю на первую попавшуюся полку.

Все мысли — одна сплошная белая паника, но тело уже действует на автопилоте.

Рывок.

Я несусь к тяжелой дубовой двери, не чувствуя пола под ногами. Единственное, что сейчас по-настоящему важно, закрыть эту чертову дверь.

Залетаю за угол и делаю два полных поворота ключом.

Слышу щелчок. Дергаю ручку на себя — заперто.

Еще раз.

Да, заперто.

Жар пульсирует во всем теле. Даже холодная дубовая дверь не в силах остудить горячие капли пота на лбу. Стены библиотеки словно сужаются, не давая сделать полный вдох.

Как он меня выследил?

А может, это вовсе и не Коллекционер? Что, если они всё же смогли найти меня? Но как? Я не оставила следов. По крайней мере, я так думаю.

Медленно отхожу от двери, не сводя глаз со стен. По стеклу стекают тяжелые струи дождя, превращая мир снаружи в дрожащую, искаженную картину. Но его силуэт я вижу ясно. Слишком ясно.

Он двигается вместе со мной.

Шаг влево, и он скользит следом.

Я замираю — он тоже останавливается.

Словно отражение в жутком зеркале парка аттракционов.

Черная ткань худи промокает насквозь и липнет к телу, обрисовывая широкие плечи, напряженную грудь, сильные руки. Дождь хлещет его без жалости, собираясь в огромные капли на выемках ткани, но он даже не пытается укрыться. Просто стоит и смотрит.

Смотрит на меня.

Внутри все сводит ледяной судорогой. Ливень барабанит по стеклу и крыше с такой силой, будто хочет проломить их и ворваться внутрь. И в этом гуле до меня вдруг доходит: бежать уже бесполезно.

Он не снаружи. Он уже здесь, внутри моей головы. И дверь, запертая на ключ, его не остановит. Ничто не остановит.

Я резко оборачиваюсь к стойке администратора и хватаю первую попавшуюся пачку бумаги. Листы выскальзывают из рук и падают на пол, но я не наклоняюсь. Пальцы не слушаются. Вцепляюсь в черный маркер так, будто это оружие, и вывожу на листе вопрос:

«Ты Коллекционер?»

Буквы выходят кривыми, рваными. Чернила местами расплываются от пота на пальцах.

Я подхожу к стеклу медленно, почти на цыпочках, словно резкое движение может спровоцировать его. Прижимаю лист к окну на уровне груди и поднимаю взгляд.

Ну же. Хоть что-нибудь.

Кивни.

Отступи.

Ударь в стекло.

Дай мне знак, что я не схожу с ума.

Но он не двигается.

Ни единого жеста. Ни наклона головы. Ни взмаха руки.

Делаю несколько шагов в сторону, вдоль стеклянной стены, и он снова отзеркаливает мои движения. Так легко и непринужденно, как будто знает, что я буду делать. Как будто мы связаны одной невидимой нитью, и он просто проверяет, насколько сильно я успела запутаться.

Воздух густеет. Каждый вдох царапает горло.

Я переворачиваю лист дрожащими руками и, с силой вдавливая стержень маркера в бумагу, пишу на обратной стороне:

«Что ты хочешь?»

Руки трясутся, когда я снова подношу лист к стеклу. Капли дождя стучат по карнизу, отбивая какой-то безумный ритм.

Снаружи, за пеленой воды, силуэт отрывается от тени. Он делает один шаг. Второй. И медленно движется в мою сторону.

Я инстинктивно пячусь, пока не врезаюсь лопатками в стеллаж, едва не забыв, что нас разделяет стена. Хоть и стеклянная.

Мужчина замирает напротив, почти вплотную прижавшись к стеклу. Его карие, почти черные глаза заставляют мысленно окунуться в ад и вернуться обратно. Рука плавно скользит в карман джинсов.

Я щурюсь, пытаюсь рассмотреть предмет в его пальцах. Стекло идет рябью от набегающих капель, но когда он поднимает руку, свет уличного фонаря выхватывает знакомый золотистый футляр. Помада цвета бургунди. Совсем как та, что...

Нет.

Не может быть.

Бросаюсь к сумке. Хватаю ее за дно и рывком вытряхиваю содержимое на стол. Звук рассыпающейся мелочи, ключей и канцелярии заполняет пространство. Тетради, расческа, старый чек, кошелек... Я лихорадочно разгребаю этот хлам, руки дрожат так, что предметы разлетаются в стороны.

Помады нет.

Мысли путаются, насакивают одна на другую. Но когда? Сумка всегда была при мне.

Возвращаюсь к окну, едва переставляя онемевшие ноги.

Он ждет. Так же терпеливо, как хозяин ждет, когда его домашний зверек выполнит очередной предсказуемый трюк.

— Что ты хочешь? — произношу я вслух сквозь накатившиеся слезы, как будто он может меня услышать.

Он выкручивает стик до самого упора: длинный, влажный, цвета запекшейся крови, и подносит его к стеклу.

Жирные, сочные буквы появляются на мокрой поверхности. Дождь пытается их смыть, но они остаются, расплываясь лишь слегка. Слово свежие раны.

«ТВОИ ГУБЫ».

Произношу вслух, отчетливо выговаривая каждую букву. Кровь отливает от кожи, в висках начинает пульсировать белый шум. Он делает паузу, наслаждаясь тем, как я не могу отвести взгляд от этой алой надписи.

Затем продолжает.

«НА МОЁМ ЧЛЕНЕ».

«ТВОИ ГУБЫ НА МОЁМ ЧЛЕНЕ».

Отскакиваю от окна так резко, что сбиваю стойку. Груда бумаг летит на пол, рассыпаясь белыми веерами, но мир для меня сузился до пяти слов, выведенных моей же помадой на стекле.

Это точно он!

Как же он меня выследил? Да и зачем? Мне казалось, он уже получил все, что хотел, включая мой позор и унижение.

В дверь кто-то усиленно ломится, вырывая меня из оцепенения.

— Лея! Ты там уснула, что ли?! — голос Николь, пронзительный и раздраженный, вонзается в барабанные перепонки.

Я оборачиваюсь на дверь. Ручка дергается, дерево содрогается под ее напором. Взгляд мечется обратно к окну.

Пусто.

Там, где секунду назад стоял монумент моего личного ада, теперь только темнота. И дождь он стих. Моментально, словно кто-то его просто выключил. Или забрал с собой. Только помада на стекле, подхваченная струйками воды с карниза, начинает течь. Кровавые ручьи медленно стирают его почерк, превращая угрозу в бесформенное месиво.

— Лея! Открой же, чёрт возьми!

Я моментально оживаю. Трясущимися руками пытаюсь разогнать влагу на лице и засунуть свою панику куда подальше.

Затем подхожу к двери и щелкаю замком.

Николь вваливается внутрь взъерошенная и злая.

— Ты издеваешься? — она пихает меня в плечо, проходя мимо. — Ливень уже закончился, а водитель маринуется на парковке лишние пятнадцать минут. Ты же сама ныла, что боишься возвращаться по темноте!

— Ну извини. Я завозилась с книгами. А еще..., — делаю драматическую паузу в надежде на то, что это меня спасет. — Меня приняли на работу.

Николь смягчается, но лишь на секунду.

— Рада за тебя, честно, — она тянет меня за рукав к выходу. — Но я промокла до костей в этих туфлях. Идем.

— Значит, завтра никаких каблуков?

— Ну уж нет.

Мы спускаемся к парковке. Я все еще озираюсь по сторонам в поисках незнакомого мужчины. Хотя, учитывая, что его член уже был у меня во рту, мы гораздо ближе, чем можем себе представить.

Черный глянцевый «Мерседес», стоит на том же самом месте, что и всегда.

Салон пахнет дорогой кожей и мужским парфюмом водителя. Я сажусь на заднее сиденье и, не выдержав, оборачиваюсь снова.

В окне, размытом от дождевых капель, стоит всё тот же силуэт. Он не двигается. Просто стоит на другой стороне парковки и смотрит, как машина трогается с места.

Снова менять имя? Снова сжигать документы и бежать в другой город, лучше в другую страну. Я закрываю глаза и отворачиваюсь к боковому окну, чтобы Николь не увидела моих слез. Красные буквы всё ещё стоят перед глазами, ярче фар встречных машин.

Не успела я полностью скрыться от одного монстра, как тут же стала добычей для другого.

Он нашел меня, даже не зная имени, не зная, кто я, а значит, самое страшное в этой ситуации — то, что теперь не получится отделаться, просто сменив бумажки.

Мне нужен другой план.

Глава 4. Коллекционер.

— Гарет. Отчёт!

Мой голос в микрофоне звучит ровно, без эмоций. Я вжимаюсь лопатками в кирпичную кладку. Холод камня просачивается сквозь худи, смешиваясь с едким запахом мокрого асфальта и гнили из подворотни. Настоящий Нью-Йорк пахнет именно так: безнадегой и мусором, а не огнями Таймсквер. Контраст с картинкой из моего детства, конечно, колоссален, но с недавних пор это меньшее, что меня волнует.

— Слышу тебя, Нейт. — Шорох клавиш на том конце бьет по перепонкам. — В доме тишина. Датчики движения молчат, решеток нет. Слишком подозрительно.

Он прав. Это истораживает. Я медленно выдыхаю, пар от дыхания клубится в холодном ночном воздухе. Прищуриваюсь, рассматривая особняк. Три этажа викторианского безумия среди безликих коробок из стекла. В окнах ночь отражается тем же мраком, что и на улице, а вот парадная дверь слегка приоткрыта, будто кто-то просто забыл её закрыть или, что хуже, сам приглашает нас войти.

Слишком просто.

— Уверен, что они привезли их именно сюда? — спрашиваю я, не отрывая взгляда от темного проема двери.

— Я вел этот чертов фургон неделю, — Гарет выдыхает в микрофон. — Ну и помотала их, конечно. До сих пор не могу

понять они просто не знали, где спрятаться, или же нарочно пытались сбросить хвост. Но конечная точка здесь. Это точно.

Я перевожу взгляд на улицу. Редкие фары разрезают темноту, выхватывая капли начинающегося дождя. Прохожие спешат мимо, уткнувшись в воротники, даже не догадываясь, что в десяти шагах от них кто-то скоро умрет.

«Если хочешь что-то скрыть сделай это у всех на виду». Старая заповедь Ричарда. Если он все еще руководствуется этой тактикой, то вполне возможно, что они скрываются именно здесь.

Теряешь хватку, старик. Тебя стало так легко вычислить. Все твои нравоучения красиво звучали лишь на словах, на деле же ты оказался гораздо хуже любого новичка.

Впрочем, ты ведь не знаешь, что против тебя ведет игру тот, кто лучше всего тебя знает. Я сжимаю кулак. Костяшка с сухим хрустом врезается в стену. Разливающаяся боль выбивает из головы лишние мысли. По пальцам медленно ползет багровая капля, срываясь на бетон.

Тем не менее, даже это тебя не оправдывает.

Опускаю голову, позволяя векам на мгновение перекрыть этот мир. Варианта всего два: либо старик окончательно сгнил изнутри, теряя хватку, либо он выстраивает лабиринт, в конце которого меня ждет петля.

Чиркаю зажигалкой. Вспышка на мгновение выхватывает мои испачканные в крови и пыли пальцы. Сигарета вспыхи-

вает алым оскалом. Вдох. Густой дым вливается в легкие, выжигая сомнения вместе с кислородом.

Губы искривляет короткая, ядовитая усмешка. Ирония — сука с отличным чувством юмора: сын подчищает дерьмо за отцом. Единственный наследник, ставший его личным ассенизатором.

Выбрасываю окурок. Он описывает в воздухе тусклую дугу и падает в жирную грязь. Медленно, с наслаждением втаптываю тлеющий огонек в асфальт носком тяжелого ботинка. Стираю его в черную пыль, как сотру любого, кто встанет у меня на пути.

Пора.

— 313-й, на подхвате, — касаюсь микрофона на воротнике. — 514-й, ваша задача, как и всегда — пленники. Вывести, заштопать, спрятать. Без самостоятельности.

— Принято.

— 117-й

— Мы уже на крыше. Прицел взяли.

Поправляю перчатки, затягивая ремешки на запястьях до хруста. — Помните, мы не в кино, где все укрытия находятся в отдаленных местах. Мы в центре Манхэттена. Соберитесь и без острой необходимости не высовывайтесь.

Тишина возвращается. Только теперь уже ее запах больше напоминает озон, как перед бурей. Натягиваю капюшон, затем маску, стирая контуры лица. Холодная ткань липнет к коже, отсекая все человеческое. Остаются только глаза —

два пустых зрачка, готовых фиксировать смерть.

Я никогда не задавался вопросом, почему мне это нравится. Сейчас насилие — это не отклонение, а высшая форма ясности. Когда ты становишься последней инстанцией между жизнью и смертью, мир перестает быть серым. Весь шум, голоса, страхи, мораль — стихает. Остаётся только голый механизм: чье-то последнее дыхание против моего решения, принятого за доли секунды. И в этой гробовой тишине, отнимая жизни, я впервые по-настоящему чувствую, что живу.

— Начали.

Дверь поддаётся без скрипа. Палец лежит вдоль спусковой скобы, готовый отреагировать на любой шорох.

Внутри меня встречает запах сырости, пыли и гниющего дерева. Воздух тяжёлый, спёртый, будто дом давно перестал пускать в себя что-то живое. Заброшенное место. Но не пустое.

Я быстро обвожу прихожую взглядом: облупившаяся штукатурка, грязные разводы на полу, трещины в стенах. Осень пробирается сюда даже через кирпич и дерево — тонкий ледяной сквозняк скользит по щеке, цепляясь за воротник.

Они готовы мириться с такими условиями? Ведь вместе с пленницами должны быть и их похитители. Оглядываюсь. Ответ приходит сам собой, подтверждая догадку Гарета: они не собираются здесь задерживаться. Это перевалочный пункт. Место, чтобы сбросить хвост и вновь исчезнуть.

Двигаюсь вдоль стены, прижимаясь к ней спиной. Холод-

ная штукатурка шершавит ткань худи. Поднимаю оружие и веду дулом по углам, косякам, тёмным провалам дверей.

Первый этаж встречает меня разорённой кухней. Дверь сорвана с петель. Шкафы раскрыты, ящики выдраны и выпотрошены, на полу валяются пустые консервные банки. Видимо, кто-то искал еду. Гостиная — пустая коробка с оголенными проводами, торчащими из потолка вместо люстры.

Пусто.

Поднимаю голову к лестнице. Дерево тихо потрескивает под весом ботинка, когда ставлю ногу на первую ступень. Останавливаюсь. Замираю у стены, сливаясь с тенью, и прислушиваюсь.

Ни шагов. Ни дыхания.

Только собственный пульс, ровный и глухой, бьющий в висках.

Поднимаюсь выше.

Второй этаж тянется длинным коридором, утопающим в темноте. Три комнаты, и все безжизненные. Где они прячутся, черт возьми? Моё терпение начинает ослабевать.

Третий этаж повторяет картину. Несколько комнат, похожих на кельи. На полу в одной валяются пустые бутылки из-под воды и обёртки от энергетических батончиков.

Приседаю и наблюдаю, как медленно расправляется серебристая бумага. Миллиметр за миллиметром. Ее смяли совсем недавно. Мусор свежий.

Медленно выпрямляюсь, сжимая рукоять пистолета креп-

че. Гарет не ошибается. Никогда. Если он ведёт цель, та не срывается с крючка без причины. А значит, дело не в слежке.

Я выхожу на лестничную площадку между третьим и вторым этажом и замираю. Живые люди не могут не издавать ни единого звука.

Тишина звенит так сильно, что начинает давить на виски. И только тогда я это слышу.

Едва заметный звук.

Короткий, глухой.

Будто металл осторожно касается дерева. Вооружены.

Теперь двигаюсь ещё тише, почти на инстинктах, спускаюсь вниз.

Звук идёт из дальнего угла гостиной.

На стене висит тяжёлая, пыльная ткань.

Я подхожу ближе, задерживаю дыхание и одним резким движением срываю полотно вниз. В воздух взлетает пыль. За тканью прячется дверь.

Чёрт, я чуть было все не провалил.

— 117-й, есть движение. Первый этаж, задняя часть здания. Готовьтесь, — отправляю я еле слышно в наушник.

Беглым взглядом оцениваю полотно двери, старые петли, трещины в древесине. Замок здесь держится на честном слове. Переношу вес на правую ногу, собираю корпус и бью плечом точно рядом с прогнившими петлями.

Дерево ломается с сухим треском.

Дверь влетает внутрь.

Ослепительный свет ударяет в глаза, на мгновение вырывая меня из темноты. Высокий сырой подвал.

В дальнем углу, почти вросшие в стену, жмутся друг к другу девушки. Молодые. На них дорогая одежда, но теперь она измята, испачкана, местами порвана. У одной тушь растеклась по щекам, другая так дрожит, что не может удержать голову прямо.

Между мной и ими выстраивается живая стена из пяти мужчин с автоматами наперевес.

Я почти усмехаюсь.

«Паяцы». Вот почему их не воспринимают всерьёз. Группировка, которую правоохранители привыкли считать шуткой из-за их возраста и шалостей вместо преступлений. Только вот их «шутки» заканчиваются живым грузом, сложенными судьбами и чужими деньгами.

— Ствол на пол! — рявкает тот, что стоит ближе остальных. Его голос глухо срывается из-под маски. — Руки вверх. Сейчас же!

Стволы остаются направлены не на меня, а на девушек. Они прекрасно понимают цену такого груза. Цена будет заключаться в их жизнях.

Что ж, они хотят представления, они его и получают.

Медленно опускаю взгляд на свой «Глок», словно подчиняюсь, и так же медленно присаживаюсь. Затем опускаю его на бетон и отталкиваю в сторону.

Металл со скрежетом уходит по пыли и останавливается

почти у ног ближайшего из них.

— Руки за голову, — рычит тот же голос. — Шаг вперёд, ублюдок.

Встаю, поднимаю руки и сцепляю пальцы на затылке. Делаю шаг. Потом ещё один.

Трое смотрят на меня. Двое отвлекаются на девушек. Главный — правша, нервничает, держит палец слишком близко к спуску, но ещё не давит. Он не убийца по природе. Сомневаюсь, что он вообще когда-нибудь лишал человека жизни.

Подхожу почти вплотную.

— Стой, стой! — кричит он.

Я замираю в полутора шагах от него. Его палец белеет, вжимаясь в спусковой крючок.

— Ты кто такой? — сипит он. — Мент?

Медленно опускаю подбородок.

— Копы тебе в аду счет предъявят. А я — твой последний кошмар наяву.

Он ничего не успевает ответить, как я уже сдавливаю его горло своей рукой, прикрываясь им как живым щитом. Правой я бью его по локтю, ломая хватку на автомате.

Он захлёбывается воздухом, начинает валиться назад, но я уже иду за ним вместе с его же инерцией. Толкаю корпусом, сбиваю с ног и валю на бетон. Колено упирается ему в грудь, прижимая тяжёлым весом. Ствол его автомата утыкается в собственную грудную клетку.

Его глаза распахиваются под чёрной прорезью маски.

Выстрел звучит глухо, почти утробно. Тело дёргается под мной один раз и замирает. Запах пороха смешивается со свежей кровью.

Остальные срываются с места слишком поздно.

Пули рвут воздух там, где я стоял секунду назад. Я отталкиваюсь от тёплого тела и перекатываюсь к бетонной колонне. Каменная крошка бьёт по щеке, одна из пуль высекает искры совсем рядом. Где-то позади срывается в крик одна из девушек.

— Не стрелять! — орёт кто-то истерично. — Ты можешь повредить товар.

Вот оно. Их слабое место.

Страх испортить «товар» делает их медленными. Делает предсказуемыми.

Я выглядываю из-за колонны всего на миг, и этого хватает. Коренастый, с дёргающимися плечами, вцепился одной рукой в волосы девушки и прижал дуло к её виску. Она не кричит. Только судорожно хватая ртом воздух и царапает его запястье дрожащими пальцами.

— Выходи, ублюдок! Или я ей башку снесу!

Я уже не слушаю.

Правая рука уходит за голенище, и в следующее мгновение нож летит по низкой траектории. Лезвие входит ему в горло, чуть ниже края маски, с глухим, чавкающим звуком, разрезая плоть и хрящ.

Он захлебывается, из горла вырывается клопочущий хрип. Автомат выскальзывает из рук и с лязгом бьётся о бетон. Девушка вырывается и, спотыкаясь, бросается к остальным. Мужчина хватается за шею обеими руками, но уже слишком поздно. Между пальцев толчками выходит кровь. Он оседает на колени и падает замертво.

В подвале на миг повисает гробовая тишина, которую разрывают два сухих, точных хлопка сверху. Видимо, какие-то два идиота пытались сбежать и напоролись на моих снайперов.

Последний, самый молодой, судя по глазам, озирается в страхе. При виде всей этой картины, он бросается бежать к узкой ржавой лестнице в дальнем углу.

Поднимаю с пола свой ствол и, прицелившись, делаю один точный выстрел в ногу. Пуля сбивает его с ног на третьей ступеньке. Он с воем падает и скатывается вниз, хватаясь за окровавленное бедро.

— Тебе повезло. Сегодня я беру пленных, — говорю я, вырубая парня рукояткой пистолета.

Тишина возвращается. Ее рвут только хрипы умирающего с ножом в горле и сдавленные всхлипы девушек, сбившихся в кучу у стены.

Я поднимаю взгляд.

Их лица размазаны слезами и грязью. Глаза широко распахнуты, и в них читается животный ужас.

Ужас ко мне.

— Всё закончено, — объявляю я. — Выходите на улицу, там вас ждёт помощь.

Они не двигаются. Секунду. Вторую.

Потом самая младшая, совсем девчонка, вдруг рвётся с места, всхлипывая так, что у неё подламываются ноги. Это ломает остальных. Они начинают толкаться, цепляться друг за друга, спотыкаться о собственные ноги и, одна за другой, вываливаться в чёрный проём двери подвала.

Я поднимаю руку к наушнику.

— 514-й, принимайте.

— Есть, сэр, — тут же отвечает голос в ухе.

— 117-й, один вылез в окно. Видите его?

Пауза. Короткий шорох в эфире.

— Пока нет. Ищем.

— Давайте быстрее, — бросаю я и поднимаюсь по шатким ступеням в коридор первого этажа.

Запах старой пыли, сырости и свежей крови бьёт в голову густым, тошнотворным комом. Я морщусь, провожу языком по зубам и двигаюсь дальше, к выходу.

— Неужели кто-то всё-таки уйдёт? — бормочу я себе под нос.

Парадная дверь выбита с петель. Я выхожу наружу, и холодный ночной воздух ударяет в лицо, как пощёчина.

Во дворе уже кипит работа.

Мои люди в чёрной тактической форме, без опознавательных знаков, укутывают девушек в серебристые спасательные

одеяла и почти бережно помогают им забраться в открытые люки чёрных фургонов.

Я задерживаю взгляд на коренастом мужике со шрамом через всю щёку. Он стоит в стороне, оценивая дом, двор и движение вокруг.

— 313-й, дом на досмотр. Мы могли что-то упустить. И там один выживший, без сознания. Его в офис.

На его лице проступает широкая, почти глупая улыбка.

— Живым!

— Да понял я, понял, — бурчит он и ведёт свой отряд к входу.

Шесть человек исчезают внутри по одному, растворяясь в тёмном дверном проёме.

Раздается выстрел, и девушки, которые еще не успели скрыться в грузовике, одна за другой снова начинают рыдать. Сильно же им досталось. Надо бы не забыть распорядиться о свободных местах в центре психологической помощи.

Я резко поворачиваю голову как раз в тот момент, когда тело в чёрном с глухим, влажным шлепком падает с крыши в переулок. Оно ударяется об асфальт, отскакивает, как кукла без костей, и замирает в неестественной позе.

В ухе раздаётся спокойный голос:

— Готов.

Я лишь усмехаюсь под маской, направляясь к фургону.

Чем дольше я смотрю на спасённых, тем сильнее внутри поднимается знакомое, холодное чувство. Что-то здесь не

так.

— Рина, — окликаю я, не повышая голоса рядом с девушками.

Она сразу отделяется от своей 514 группы и подходит ко мне. На ходу стягивает перчатки, зажимает их в ладони. В её взгляде усталость, но голова у неё по-прежнему работает быстро.

— Что у тебя? — спрашивает она.

— Сначала ты мне скажи. Есть зацепки?

Рина коротко выдыхает и оглядывается на девушек.

— Их забирали в течение недели. Не всех в один день, по одной, в разное время. Пока картина рваная. Почти ничего связного. Имена путают, даты тоже. У большинства шок. Пара вообще не понимает, где находится.

Я молча кладу ладонь ей на плечо и разворачиваю лицом к фургонам.

— Тогда посмотри сама. Только будь очень внимательна.

Она хмурится.

— Я и так смотрю, Нейтан.

— Нет. Ты оцениваешь обстановку. А я прошу посмотреть внимательно.

Несколько секунд она молчит. Ветер треплет выбившуюся прядь её волос. В стороне одна из девушек вздрагивает, когда медик касается её локтя. Другая судорожно кутается в одеяло, будто ей всё ещё холодно изнутри.

Рина щурится.

— Измученные девушки, — бросает она. — Испуганные. Обезвоженные. Что именно я должна увидеть?

Я перевожу взгляд с одной на другую.

— Маникюр. Свежий. Не салон недельной давности — максимум день-два. Кожа ухоженная. Нет старых ссадин, нет следов долгого удержания в цепях, нет въевшейся грязи под ногтями. Смотри дальше.

Рина уже не спорит. Просто смотрит.

Я продолжаю, и собственный голос становится тише.

— Блеск на губах. Остатки дорогой косметики. Волосы в порядке лучше, чем должны быть после недели в кузове. На ногах мозоли от новой обуви, а не раны от босых побегов. И одежда.

Рина переводит взгляд ниже.

— Чёрт...

— Вот именно.

Я подцепляю пальцами край порванного рукава на ближайшей куртке, не касаясь самой девушки.

— Это не случайный шмот. Это дорогие вещи. Новые. Помятые, надорванные, испачканные — но новые. Их не выдрали с улицы как попало.

Рина медленно поворачивается ко мне.

— Думаешь, их подбирали заранее?

— Не думаю. Я в этом почти уверен.

Она снова смотрит на девушек, но уже по-другому.

— Внешность? Возраст? Социальный статус?

— Всё вместе, — отрезаю я. — И ещё кое-что. — Я наблюдаю за девушкой у дальнего фургона. Она плачет, но держит спину прямо. — Ранее мы вытаскивали их из подвалов, контейнеров и заброшенных цехов. Они были обезвожены, с многочисленными ссадинами и синяками, а здесь... Они напуганы, но на щеках все тот же румянец и нет ни единой царапины. Как будто те девушки были не столь значимы. Словно — Задумываюсь на секунду, сопоставляя все факты. — Словно те девушки были лишь расходным материалом, наверняка на них и пробовали сыворотку. Но если я прав, они добились того, чего хотели. То, что раньше не работало, теперь работает. Поэтому им больше не нужны первые попавшиеся. Теперь им нужны конкретные лица.

— Хочешь сказать...

— Видимо, формула все же заработала.

Рина кивает медленно, переваривая информацию.

— Думаешь, Ричард в этом замешан?

Одного его имени хватает, чтобы у меня под перчатками свело пальцы.

— Сейчас он замешан всегда и во всем. — Я смотрю мимо неё, в темноту за машинами. — Но это ненадолго. Рано или поздно я доберусь до него. И тогда он ляжет на тот же стол, к которому привязывал этих девушек.

Оставляю Рину в раздумиях и иду прочь от света фар и суеты в тень. Ботинки хрустят по гравию, пока я не добирюсь до узкого переуллка, где припаркован мой «Кавасаки».

Черная сталь байка равнодушно поблескивает в лунном свете.

Я касаюсь сенсора в ухе.

— Гарет, что удалось выяснить по моему запросу?

В наушнике раздается шорох, затем приглушенный зевок. Сонный голос Гарета слишком спокоен для того ада, из которого я только что выбрался.

— Если честно глухо, Нейт.

Я замираю, так и не донеся шлем до бензобака. Пальцы сильнее сжимают полированный пластик.

— Повтори.

— Пусто, — в голосе Гарета проскальзывают нотки раздражения. — Я перерыл базы на двух материках. Соцсети, архивы, даже облачные хранилища сотовых операторов. НИЧЕГО. Этой девчонки не существует. Она призрак. Ты уверен, что она не причудилась тебе после того газа, который распылили ублюдки Ричарда?

— Я не брежу, — я опускаю руку, чувствуя, как внутри закипает ярость. — Она учится в нашем университете. Я видел её там. Видел её лицо. Касался ее рук.

— Охотно верю. Но университет — единственное место в реальности, где осталось её имя. Ни одной фотографии, ни единого аккаунта. У неё нет прошлого, Нейт. Вообще.

Ярываю связь одним резким движением. Срываю гарнитуру с уха и с силой отшвыриваю вглубь переулка. Пластик с жалобным треском встречается с кирпичной стеной и

тонет в мусоре.

Из-за этой девчонки я едва не пустил к чертям всю операцию. Она с таким старанием отсасывала мой член, и весь мир схлопнулся до размеров этого маленького серого призрака. А мой лучший хакер утверждает, что её не существует.

Я наваливаюсь на мотоцикл, закрывая лицо руками.

Что ж, Лея Браун. Нельзя просто так разбудить монстра, поманить его за собой и надеяться, что он оставит тебя в покое. Отныне я буду контролировать каждый твой шаг, пока однажды не доберусь до сути.

Я выверну твою жизнь наизнанку, пока не найду то место, где ты прячешь настоящую себя.

И тогда мы посмотрим, как долго ты сможешь оставаться целой.

Глава 5. Экспонат.

— Нет, пожалуйста! Нет!

Сердце колотится так громко, что его стук отдаётся в ушах. Я резко сажусь на кровати, вцепляюсь пальцами в холодную, влажную простыню и жадно глотаю воздух. Лоб мокрый. В горле пересохло, как будто я пробежала марафон.

В панике руки сами скользят по коже. Проверяю запястья, плечи, шею. Ни верёвок. Ни игл. Ничего.

Я медленно оглядываюсь.

Нет белых, пустых стен. Нет уже до боли знакомых рядов пробирок и экранов, от которых до сих пор бросает в жар. Передо мной обычная уютная комнатка. На стуле валяются вещи, на тумбочке стоит стакан воды. Реальность кажется почти неестественной. Как будто после всего того, что случилось, такого спокойного места просто не может существовать.

— Это всего лишь сон, — шепчу я в темноту и сжимаю кулаки так сильно, что ногти впиваются в ладони. — Всего лишь сон.

Ложь.

Это не сон. Это память. Та самая память, что не даёт мне спать, дышать и жить спокойно. Сколько бы времени ни прошло с побега, прошлое всё равно находит меня ночью, во снах, и врывается в сознание с прежней жестокостью.

Несколько секунд я просто сижу, собирая себя по кускам, а потом закрываю глаза и тру виски, пытаюсь заглушить пульсирующую боль. Такое чувство, будто я магнит для всяких неприятностей.

Сбежала от одного монстра — и сразу попала к другому.

Нет. Хватит.

Я резко поднимаюсь, но одеяло цепляется за ногу. Теряю равновесие, хватаюсь за тумбочку, и стакан с водой падает на пол вместе со мной. Звук выходит слишком громким. Стекло разбивается с сухим треском.

Я замираю, затаив дыхание.

Тишина.

Смотрю на осколки на полу. На свое отражение в самом большом из них. Лицо бледное, опухшее. Давненько я не видела себя в таком состоянии.

Когда-то я была другой. Тогда я зажмуривалась и просто ждала, когда всё закончится. Плакала в своей комнате, прижимая ладони к ушам, пока наверху

Но больше такого не будет.

Осторожно переступаю через стекло и подхожу к столу, щёлкая кнопку чайника. С недавних пор я полюбила ромашку. Говорят, что она успокаивает нервы, но по мне так это обычный эффект плацебо. Но мне нравится думать о том, что я пытаюсь решить эту проблему. Даже таким заурядным методом.

Отдёргиваю плотно закрытые шторы и тут же жмурюсь

от яркого света. Осеннее солнце заливает двор, цепляется за пожухлую траву, скользит по грязному кирпичу соседнего общежития и режет отражениями окна машин.

День.

Я невольно сжимаю челюсть. Маньяки же не выходят днем?

Чушь.

В кино, да, но вот в реальной жизни все иначе. Сейчас он где-то бродит, замаскированный под совершенно обычного жителя мегаполиса. Пьет кофе, гуляет с собакой и вежливо улыбается старушкам на скамейках, подыскивая новую жертву.

Пожалуй, такое яркое солнце — мой единственный шанс. Я просто буду находиться среди людей, и даже если он окажется рядом, как минимум ничего не сможет сделать. Как я уже выяснила, свидетели ему нужны меньше всего, а уж свидетели под утренним солнцем, когда любые детали становятся более очевидными, тем более.

Не давая себе передумать, я лезу в карман джинсов, свисающих со спинки стула. Разглаживаю на коленке скомканный лист. Вчера после лекции так быстро запихнула его туда; хорошо еще, что вспомнила перед тем как постирать их. Бумага мятая, чернила немного размыты. «Джон Робинс, следователь. 8-917»

— Да, — он отвечает почти сразу.

Я на секунду замираю, глотаю воздух и выпрямляю спину,

будто это поможет звучать увереннее.

— Мистер Робинс. Добрый день. Вас беспокоит Лея Браун.

На том конце раздаётся короткий выдох, похожий на усмешку.

— Уже в курсе. Кривз звонил насчёт вас. — Он делает небольшую паузу, и я слышу быстрые глотки. — Ну и задачу вы себе придумали. Не совсем понимаю, чего вы хотите этим добиться. К сожалению, этого придурка мы так и не поймали. Суховат у вас выйдет диплом. Еще не поздно передумать.

Я сильнее сжимаю телефон так, что костяшки белеют. Он, видимо, совершенно не понимает, с чем имеет дело. Гибнут люди, а ему лишь бы посмеяться.

— Не вижу смысла копать в старых, закрытых делах. Там уже ничего не исправить. А здесь — голос срывается, и я делаю паузу, чтобы взять себя в руки. — Здесь люди гибнут. И их становится все больше.

Молчание затягивается. Но я не тороплю его и не делаю первого шага. Я привыкла работать в одиночку, и если он сочтет мою просьбу чересчур навязчивой, придется рассчитывать только на себя. Впрочем, как и всегда.

— Я очень рад, что вы так обеспокоены жизнями людей. Но вы бы и о себе подумали. Молодая девушка будет таскаться за каким-то маньяком. Вы хоть понимаете, во что ввязываетесь?

Если бы он только знал, что этот «какой-то маньяк» сейчас таскается за мной, он бы разговаривал по-другому. Я так устала бегать, что не нашла ничего более абсурдного, чем попытаться опередить его. Он и так уже знает достаточно обо мне, пора бы и мне познакомиться с ним поближе.

— Если вы не хотите помочь, я сделаю это в одиночку.

На том конце снова тишина. Потом до меня доносится долгий протяжный выдох.

— Жду вас в участке через сорок минут, — бросает он.

— Успеете?

— Да.

Я сбрасываю вызов раньше, чем он успевает добавить хоть слово.

Участок встречает меня тяжелым запахом старой бумаги, дешевого хлора и мужского пота. Это серое бетонное здание кажется склепом, где заживо похоронены надежды каждого, кто пересмотрел в детстве «Плохих парней», а по итогу сейчас клеит на лобовые стекла штрафы и перекладывает бумаги нераскрытых дел.

Тяжелая дверь поддается с натужным скрипом, отсекая шум улицы.

— Мне нужен Джон Робинс. — Охранник за стеклом не спешит. Он медленно отрывает взгляд от газеты и сканирует меня сверху вниз. — Я Лея. Лея Браун. Мне нужно...

Он молчит. Слышно только, как шуршит бумага, пока его

толстый палец лениво перебирает стопку пластиковых карточек. Наконец он выдергивает одну и с сухим стуком швыряет её на стойку.

— Проходи, «стажерка», — его губы кривятся в подобии ухмылки, обнажая желтоватые зубы. — Робинс уже всё подготавливал. Видно, очень ждал.

Я подхватываю бейджик с кривой надписью «СТАЖЕР» и цепляю его за край кармана на груди.

— Второй этаж. Третья дверь слева, — бросает он мне в спину, уже возвращаясь к своей газете.

Под ногами поскрипывает дерево. За годы оно знатно прохудилось. Коридор узкий, стены выкрашены в грязно-бежевый оттенок, двери глухие, с потёртыми табличками. Никакого блеска. Никакой драматичности, как в сериалах. Только сплошная, давящая обыденность.

Нет, я не виню их. По дороге сюда я успела прочитать, что семьдесят пятый участок был открыт ещё в 1886 году. Ему бы давно не таблички менять, а сносить и строить заново. Но, видимо, у старых зданий и старых дел есть общее свойство — работу над ними предпочитают откладывать в дальний ящик.

«Детектив-следователь Джон Робинс» — гласит табличка. У него еще и отдельный кабинет. Видимо, важное лицо. Вот это меня занесло.

Делаю вдох и стучусь. Затем быстро, не дожидаясь ответа, приоткрываю дверь. Боюсь, если буду медлить, могу пе-

редумать.

На моё удивление за столом, доверху забитым разными бумагами и папками, сидит достаточно молодой мужчина. На вид ему лет тридцати, совсем как

Так, Лея, спокойно, не думай о нем.

Он отрывается от бумаг и поднимает на меня взгляд.

— Лея? Заходи. Кофе будешь?

Я невольно отмечаю, как легко он произносит моё имя, будто уже знает меня давно.

— Да, пожалуйста, — отвечаю я и прохожу внутрь.

Стараюсь не смотреть слишком долго на хаос на его столе, чтобы не выглядеть невежей. Бумаги, папки, стикеры, распечатки, чей-то блокнот, пепельница в форме черепа. И среди этого беспорядка гипсовая фигурка сломанного велосипеда. Белая, с отколотым колесом.

Он замечает мой взгляд, но ничего не объясняет. Только разворачивается к кофеварке в углу.

Кабинет тесный. Главное, чтобы моя клаустрофобия не узнала об этом.

В воздухе стоит запах кофе, пыли и старой бумаги. На стене висит большая карта города, утыканная разноцветными кнопками. Красные, синие, жёлтые. На одной из красных, в районе порта, чёрным маркером поставлен жирный вопросительный знак.

Я задерживаю взгляд на карте чуть дольше, чем нужно.

Он возвращается с кружкой и ставит её передо мной. Ке-

рамика треснута сбоку, и на мгновение мне кажется, что она вот-вот рассыплется в пальцах.

— Садись, — он кивает на единственный свободный стул.

Я сдвигаю с него старые газеты, опускаюсь и обхватываю кружку ладонями. Жар быстро проникает сквозь кожу.

Он не садится сразу. Упирается бедром в край стола и наблюдает за мной.

— Итак, Кривз сказал, ты будешь писать диплом по делу «Коллекционера», — начинает он, не давая мне сделать и глотка. — И давай сразу на «ты». Я не настолько старый, да и мы, считай, теперь коллеги.

Я быстро киваю, чувствуя, как ком в горле немного рассасывается.

Коллеги.

Звучит солидно. Кроме того, если уж мы коллеги, возможно, получится добыть куда больше информации, чем я ожидала.

Он коротко усмехается и протягивает руку через весь стол.

— Тогда я просто Джон.

— Лея. — Я жму его ладонь. — Так, как давно это началось?

Джон делает глоток из кружки и морщится. Кофе уже успел остыть.

— Три года, — говорит он, не поднимая глаз. — Первый труп нашли на свалке у реки. Без правой руки. Сначала ре-

шили, что это просто местные разборки. Личность парня так и не была установлена. Местные говорили, что часто заставляли его за кражей. Похоже, что был бездомным. — Джон опустил кружку на стол и сжал кулаки. — Зря мы тогда забросили это дело. — Он щёлкает зажигалкой. Пламя вспыхивает и тут же гаснет. Сигарета остаётся нетронутой в его пальцах. Джон смотрит куда-то сквозь нее. — Через два месяца нашли еще один. В парке. И тоже без руки. Только тогда мы начали понимать, насколько это все серьезно.

— Три года — мой голос тонет в гуле вентиляции. — Это слишком долго. Сколько же человек уже погибло?

Джон отстраняется от гипнотизирующей сигареты и наконец-то поднимает глаза на меня.

— Наверное, правильнее спросить: сколько ещё погибнет?

От этих слов снова холодеет в груди.

Я впираюсь ногтями в ладони под столом, чтобы не сорваться и не высказать ему все, что я сейчас думаю. А думаю я очень много всего. Как вообще можно так халатно реагировать на труп, даже если это был человек без документов, даже если он воровал. Уфф.

Они сами во всем виноваты.

Я прикрываю глаза, делаю медленный вдох через рот.

Считаю.

Раз. Два. Три.

— Тринадцать, — произносит Джон прямо у меня за пле-

чом.

Я вздрагиваю и резко открываю глаза.

Он стоит слишком близко. Когда он успел подняться и обойти стол?

Его рука движется к моему лицу, и тело реагирует раньше, чем разум. Я вжимаюсь в спинку стула, замираю, чувствуя, как бешено колотится пульс в висках.

Но он не касается меня.

Джон спокойно берёт пустой стакан с края стола, обходит меня и оставляет посуду в раковине у стены.

— Что?.. — вырывается у меня, и я слышу, как дрожит мой голос.

Он молча разворачивается и облокачивается на край стола. В полуметре от меня.

— На сегодняшний день погибло тринадцать человек.

— И у вас до сих пор нет ничего? Ни одной зацепки? — выпрямляюсь и уже даже не стараюсь контролировать слова. Они сами во всем виноваты. — Как кто-то может три года держать в страхе весь город, а вы вы ничего не можете сделать?

Он резко отталкивается от стола и начинает ходить по кабинету.

— Ничего не можем сделать? — Джон бросает мои слова обратно мне в лицо, и в его голосе впервые слышится настоящая ярость. — Ты даже не представляешь, какое на нас давление. Что говорят на планёрках. Как каждый день напо-

минают, что департамент выглядит жалким цирком, потому что этот ублюдок работает как призрак. — Он проводит рукой по подбородку, отчерчивая острые углы нижней части лица. — Ни отпечатков. Ни ДНК. Ни следов. Ничего! Словно он не ходит по земле, а растворяется в воздухе сразу после убийства.

Джон останавливается у окна и упирается ладонью в стекло, не глядя на меня.

— И свидетелей тоже нет, — добавляет он тише. — Никто ничего не видел. Никто ничего не слышал. Никто не может помочь.

Слова падают в тишину кабинета, как камни.

Никого, кроме меня. Отворачиваюсь к окну на противоположной стороне. Даже не знаю, для того чтобы убедиться в том, что солнце светит все так же ярко, или же просто ищу пути отступления, если вдруг кто-то узнает все, что сейчас знаю я.

В горле жжет. Признание толпится за зубами. Рассказать? Прямо сейчас вывалить на этот заваленный хламом стол всё, что я видела? Но за смелостью по пятам следует холодный расчет. Я ведь и правда была рядом с ним. Причём дважды. И ничего никому не сказала.

Я ведь могла, ну не знаю, набрать 911 или сразу же побегать в ближайший участок. Но я промолчала. В глазах закона я не жертва, я — соучастница, позволившая ему скрыться. Дважды.

Хотя

Я медленно возвращаю взгляд к Джону. Он уже у раковины. Вода шумит, смывая остатки душистого кофе из наших стаканов.

— Страшно, да? — Он все еще не оборачивается. — Когда понимаешь, что монстр реален и дышит тебе в затылок. А ты можешь только сидеть и ждать его следующего хода.

— Думаешь, его правда никто не видел? — Я жду, пока он выключит кран. Этот шум мешает мне соображать. — Может, люди просто слишком напуганы. У вас здесь есть ну, что-то вроде программы защиты свидетелей? Чтобы спрятать человека, дать новые документы и личность.

Джон медленно вытирает руки полотенцем. Затем опирается на стойку рядом с кофеваркой и скрещивает руки на груди. Ткань его рубашки в тонкую полоску натягивается на плечах, правый кулак сминает полотенце с такой силой, что белеют костяшки.

— Не думаю, что в этом есть необходимость. — Его взгляд впивается в мой, лишая возможности вдохнуть. — Есть статистика, Лея. Свидетели долго не живут. Те, кто мог хоть раз видеть его, это очень хорошо понимают. Коллекционер хозайничает в этом городе уже три года. Он купил всех, кого стоило купить, и выследил тех, кто мог ему хоть чем-то навредить.

Я сглатываю. Слюна медленно ползет по пересохшему горлу. «Выследил тех, кто мог ему хоть чем-то навредить»,

— отдается у меня в голове эхом. Может, это он и делает. Он что, на полном серьезе считает, что я опасна для него?

Джон делает шаг ко мне, сокращая расстояние до опасного минимума.

— Ты думаешь, бумажка с фальшивым именем остановит того, кто чует страх лучше гончей? Он найдет тебя даже на другом конце света. Найдет и просто прирежет.

От этих слов по позвоночнику пробегает холодная струйка пота.

А ведь это вполне логично. Свидетелей нет не потому, что его никто не видел, а потому, что мёртвые не рассказывают сказки.

Мои пальцы в кармане джинсов нащупывают смятый фантик от жвачки. Я начинаю методично, до ломоты в подушечках пальцев, разрывать его на крошечные куски, глядя в серый, истоптанный пол.

Наверное, и я именно по этой причине до сих пор никому ничего не сказала.

— Могу я задать последний вопрос?

Джон откидывается на спинку кресла напротив. Рубашка действительно сидит на нем слишком тесно — натягивается на плечах, подчёркивает руки, мне все же не показалось. Она мала ему. Но, судя по тому, как он постоянно выпрямляет спину, выпячивая и без того огромное эго, размер определенно неслучайный. Хочет подчеркнуть свои достоинства. И недостатки тоже. Я сжимаю губы, чтобы случайно не улыб-

нуться.

Неряшливый кабинет. Ни одной личной или семейной фотографии. И эта форма на размер меньше. Рискну предположить, что он не просто холост. Он одинок и жаждет всеобщего внимания.

Мой взгляд скользит по комнате, цепляясь за пыль на мониторе, беспорядок на столе, пока не наткнется на его лицо. Он уже пристально смотрит на меня.

Уголок его рта дергается. Самодовольная, почти ленивая улыбка появляется на лице, и он медленно расправляет плечи. Ну вот. Я же говорила — опять красуется.

— Быстро же мы перешли к последнему вопросу, — его ухмылка расплывается еще больше, перекрывая собой половину лица. Он постукивает пальцами по подлокотнику и кивает мне, разрешая продолжать. — Давай.

Терпи, Лея, это ради дела.

— Вы уже проверяли гипотезу типа жертвы?

Он поднимает бровь, явно не понимая, о чем я говорю.

— То есть?

Господи, если это действительно человек, который занимается расследованием дела «Коллекционера», этот город обречен на погибель.

— У жертв есть что-то общее? Возраст, пол, работа, социальный статус? Хотя что-то?

— Да нет — тянет он. — Никакой явной связи. Разные. И мужчины, и женщины. От двадцати до пятидесяти. Есть

как безработные, так и те, кто имел вполне себе приличную работу.

Я медленно киваю, удерживая выражение лица спокойным, хотя внутри все сжимается. Дело дрянь. Он не похож на обычного сумасшедшего, а значит вариант случайных убийств по настроению отмечаем. Что же между ними общего?

— А могу я получить их фамилии?

Джон тут же меняется в лице. Веселость исчезает, будто ее и не было.

— Эта информация строго конфиденциальна.

Я чуть склоняю голову, будто принимаю его ответ без возражений. На самом деле внутри у меня все сжимается от досады. Я уже почти чувствую, как ниточка ускользает из пальцев.

— Очень жаль, — я позволяю словам прозвучать мягко, почти рассеянно, и опускаю взгляд на стол, прежде чем снова встретиться с ним глазами. — Я просто подумала, что могла бы помочь. Мой отец был полицейским. Я много раз помогала ему искать то, что другие не замечали. Он говорил, что у меня есть талант. — Джон демонстративно отворачивается, не желая больше продолжать эту тему. — Но, похоже, вы и без меня отлично справляетесь.

Ехидно улыбаюсь и разворачиваюсь в сторону двери. Двигаюсь максимально медленно, давая ему время на размышление. Авось прокатит.

В конце концов, можно всегда попытаться вскрыть базу данных. Если мне повезет и код ставил он, это не составит большого труда.

Не хотелось бы так говорить про сотрудника полиции, да же детектива, но он реально тупой.

Ладонь ложится на холодную металлическую ручку, дверь с тихим шипением приоткрывается, и из коридора в комнату врывается приглушенный шум участка.

— Стой! — Я тут же замираю. — У тебя родимое пятно в форме огня?

Не сразу понимаю, что он говорит обо мне. Затем медленно опускаю взгляд на руку, которая все еще держится за ручку двери. Край рукава слегка приподнят и действительно оголяет часть ожога. Очень символично, ожог получился в форме огонька. Напоминание, что порой мне не стоит лезть туда, где можно сгореть дотла.

Оборачиваюсь через плечо и поднимаю руку, показывая ему.

— Да. Все так и говорят. Похоже на маленький огонек.

Он смотрит слишком долго. Не моргает. Вечно можно смотреть на три вещи: как течет вода, горит огонь, а дальше уже не важно. Похоже, что он уже загипнотизирован моим ожогом.

Ненормальный.

Я быстро одергиваю рукав и прячу руку в карман.

— Оставь свой номер. Я тебе кое-что сброшу.

Я возвращаюсь к столу в два быстрых шага, вырываю из блокнота чистый лист и прижимаю его ладонью к дереву, чтобы бумага не ускользнула. Шариковая ручка царапает поверхность, когда я быстро пишу номер.

— Большое спасибо, — вежливо улыбаюсь, протягивая ему смятый листок.

Джон тянется, но его рука проходит мимо бумаги. Грубые пальцы обхватывают мое запястье и притягивают к себе.

— И все же очень интересное родимое пятно. Я никогда такого не видел, — бормочет он, проводя большим пальцем по коже.

От чужого нежеланного прикосновения сердце на долю секунды замирает, забрав с собой остатки воздуха из легких. Тот, кто никогда не испытывал чувства неминуемой гибели по пять раз на дню, наверное, сказал бы, что я все выдумала.

Но, боже, как же я хочу, чтобы это было правдой.

— И не увидишь.

Дергаю руку на себя с такой силой, что его пальцы соскальзывают, проделывая кульбиты в невесомости. Толкаю дверь и вылетаю в коридор, не давая ему времени на то, чтобы остановить меня.

Я не оглядываюсь. Иду быстро. Почти бегу.

Длинный коридор участка гудит под ногами глухим эхом. Лампы под потолком мигают, и свет рвется на ломаные полосы, в которых тени дергаются по стенам, будто живые. Я прохожу мимо закрытых дверей, мимо чужих голосов за пе-

регородками, мимо поста охраны, где дежурный бросает на меня короткий взгляд, и выскальзываю наружу, в холодный воздух улицы.

Шум вечернего Бродвея вытесняет безликие серые стены метро. В лицо сразу бьет холодный воздух. Врываясь в легкие, он царапает горло, и я жадно втягиваю его снова и снова, будто этим могу остудить себя изнутри, заткнуть пустоту, которая расползается в груди.

На улице уже темно. Осенняя ночь опускается быстро, раскрывая тени, которые при ярком свете дня не были заметны. Неоновые вывески кафе и магазинов заливают мокрый асфальт ядовитыми пятнами света. Они расплываются в лужах, создавая иллюзию движущейся карты, по которой кто-то невидимый чертит свой маршрут.

Я подтягиваю шарф выше, почти до самых глаз, прячу в него нос и половину лица. Бесплезно. Холод все равно просачивается под свитер, касается кожи тонкими ледяными пальцами, и по рукам бегут мурашки.

Телефон в руке загорается ярким светом. Всего восемь вечера, а кажется, будто город давно перевалил за полночь.

— Нет, — шепчу себе под нос, ускоряя шаг. — Все. Хватит. Теперь либо с Николь, либо вообще никуда не выхожу. А еще лучше — на ее дорогущей машине с личным охранником.

Слова звучат почти уверенно.

Почти.

Опускаю взгляд под ноги, обходя лужи, чтобы не утопить в грязной воде последние приличные кеды. Ну конечно. Ничему тебя жизнь не учит.

Я стискиваю телефон крепче.

Расслабилась сразу, как только решила, что сбросила хвост. Если я его сбросила.

Не хватало мне одного психопата, как тут же появился второй.

Заворачиваю за угол какого-то модного магазина, путаясь в собственных мыслях, и тут же застываю на полпути. Я даже забыла о том, что только что читала себе нотации о безрассудном поведении.

Он стоит напротив входа в общежитие, вглядываясь в каждую проходящую девушку. Все тот же черный капюшон и высокая маска, перекрывающая половину лица, по которой его можно было бы узнать.

И самое жуткое — никому до него нет дела.

Люди проходят мимо. Кто-то смеется. Кто-то говорит по телефону. Кто-то тащит бумажный стаканчик с кофе и даже не смотрит в его сторону. Будто мужчина в маске у студенческого общежития — обычная часть пейзажа.

Как будто так и надо.

Я медленно втягиваю воздух носом, не сводя с него глаз. Серьезно?

Возле кампуса. Возле общежития, где живут студенты.

Некоторые из них, между прочим, еще несовершеннолетние.

Но темный силуэт под фонарем продолжает мерить шагами тротуар, перекрывая подход к воротам одним своим присутствием.

Путь домой отрезан.

Сердце ударяет сильнее, но лицо я заставляю оставаться спокойным. Паника сейчас — роскошь, которую я не могу себе позволить.

Справа от меня к общежитию направляется компания девушек. Они смеются слишком громко, перебивают друг друга, обсуждают какого-то парня, чей голос в сообщениях оказался «намного лучше, чем лицо».

Я тут же подстраиваюсь под их шаг и притворяюсь частью компании. Одна из них мельком смотрит на меня, и я натягиваю на губы короткую, ничего не значащую улыбку. Она равнодушно отворачивается.

С каждым метром фигура становится все отчетливее: увеличивается рост, расправляются и без того широкие плечи. Он больше не кажется размытым пятном на фоне ночи. Он становится реальным.

Шаг. Еще один.

Я уже совсем близко к моему потенциальному похитителю. Или убийце. Меня, к сожалению, не уведомили, чем я обязана столь любезному визиту.

Только я подумала, что все может быть хорошо и мне удастся прошмыгнуть, просто затерявшись в толпе, как де-

вушки вдруг решили разойтись в разные стороны.

И вот я снова остаюсь одна. Оглядываюсь по сторонам. Прохожие почему-то резко решили обходить этот пяточек дальними путями. Мне только не хватает света прожектора и мерцающей стрелочки над головой с надписью «Я здесь».

Хотя и без того не заметить было невозможно.

Его глаза уже нашли мои. Я не могу это объяснить, но чувствую, как пристальный взгляд прожигает во мне дыру. Нет никаких сомнений. Он смотрит прямо на меня.

Красная точка сигареты вспыхивает в темноте у его губ. На миг свет выхватывает резкую линию скулы, скрывающуюся за маской. Потом снова все тонет в темноте, оставляя возможность для воображения додумать портрет самому.

«Чтоб ты подавился», — подумала я, замирая на месте.

Холод мгновенно поднимается по спине, цепляется за затылок, сковывая плечи. Если я сделаю шаг вперед, он перехватит меня у самого входа. Если останусь стоять здесь — тоже ничего хорошего. В голове одна за другой вспыхивают бесполезные варианты. Если я позвоню Николь, то могу впутать ее в то, опасность чего я сама пока что не до конца понимаю.

Впервые в жизни план бегства так долго приходит ко мне в голову.

Может, я не буду звать ее, а просто попрошусь переночевать. Пальцы уже тянутся к телефону в кармане, когда за спиной раздается знакомый смех.

— Лея! Ты чего тут мёрзнешь?

— Девочки! — облегчение накрывает меня волной. Настолько резкой, что я почти смеюсь. Я бросаюсь к ним, обнимая сразу обеих так крепко, что от растерянности они едва не роняют пакеты. — Лара, Эмили, я так рада вас видеть.

— Ты опять нас перепутала, — Эмили фыркает и, не переставая идти, толкает меня плечом. — Сколько можно? Я Эмили. Она Лара.

— Простите, вы слишком похожи, — я улыбаюсь шире, чем нужно. — Клянусь, на этот раз запомню.

Лара смеется, запрокинув голову.

— Ага, слышали мы это уже.

Я устраиваюсь между ними и намертво хватаю их под руки, чтобы уж наверняка никто не смог выхватить меня из строя.

— А ты почему тут стояла? — Эмили прищуривается, бросая на меня быстрый взгляд. — Замерзла же вся.

Я на секунду запинаюсь, потом пожимаю плечами и отвожу глаза в сторону.

— Да я телефон, наверное, потеряла. Остановилась поискать.

— Нашла?

— Нашла. Все в порядке.

Мы идем ко входу. Чем ближе общежитие, тем тяжелее становится воздух. Я чувствую его почти кожей, чувствую этот взгляд, который не отпускает.

И когда мы проходим мимо него, я поднимаю глаза.

Он стоит на том же месте.

Не двигается.

Не моргает.

Только смотрит.

Прямо на меня.

Холодные черные глаза врезаются в мои, уничтожая все хорошее и живое внутри. Полиция не может найти его три года, зато он нашел меня дважды за последние сутки.

Так-то, если подумать, я могла бы стать хорошей приманкой, чтобы его наконец поймали. Только вот роли я себе выбираю явно для смертников.

Он не делает ни шага. Не тянется ко мне. Не говорит ни слова.

И от этого становится еще страшнее.

Не знать, что тебя ждет.

— Спасибо, что проводили, девчонки, — выдыхаю я, когда мы, наконец, проходим зону охраны и оказываемся внутри. — Увидимся завтра утром на паре.

— Зачем ты это сказала? — Эмили закатывает глаза. — Теперь весь вечер испорчен. Восемь утра. Восемь. И пять пар подряд. Это пытка.

— Пока еще никто не умер, — говорю я и даже успеваю послать им воздушный поцелуй.

Потом разворачиваюсь и почти бегу к лестнице.

— Значит, я буду первой, — доносится мне вслед ее раз-

драженный голос.

Ну, если я сейчас же не доберусь до своей комнаты, то первой уж точно буду я, и жаль, совсем не из-за учебы.

Глава 6. Экспонат.

Влетаю в комнату и сразу же захлопываю дверь. Замок щёлкает раз, второй, оставляя вибрацию на и без того трясущихся руках.

Хотя, кого я обманываю? Если этот псих решит ворваться сюда прямо сейчас, его ничто не остановит — ни старик на вахте, который вечно дремлет над кроссвордом, ни моя тонкая дверь, за которой слышен каждый шорох.

Воздух в легких наконец начинает выравниваться.

Раздвигаю шторы, все еще не включая свет. Что-что, а скрываться за это время я научилась достаточно хорошо. Стоит мне только щёлкнуть выключателем — монстр сразу же обнаружит свою цель и рванётся с места, как мотылёк на яркое сияние лампочки. Только вот он не мотылёк. Хотя, если уж на то пошло, я бы с удовольствием стала для него светом, чтобы сжечь его заживо.

Внизу двор тонет в густой бархатной темноте. Фонарь у входа светит слишком далеко, а внутреннее освещение опять не работает — удобно для него и отвратительно для меня. Сначала я вижу только качающиеся ветви старых клёнов. Они режут асфальт ломаными линиями, будто на земле расплзлись чёрные вены.

Потом взгляд цепляется за фигуру. Он стоит там же, где и раньше. Ничего не делает, не ходит, не курит, просто стоит

и смотрит на пустующие окна.

Ждёт, когда я выдам себя.

Но этого не будет. Не на ту напал.

Я резко дёргаю штору и прячу его из виду, словно это может стереть сам факт его существования. Ткань скользит по карнизу с сухим шорохом. Я отступаю от окна и, не раздеваясь, падаю на кровать вместе с ноутбуком.

Посмотрим, что нам может сказать Google.

Экран вспыхивает в темноте. Я прищуриваюсь и набираю в поиске: «Коллекционер Нью-Йорк».

Результаты появляются почти сразу.

Я замираю, вцепившись пальцами в край ноутбука. Лента за лентой. Заголовок за заголовком. Кричащие, жирные, будто их специально писали, чтобы напугать сильнее самого убийцы.

«Кто будет следующей жертвой?»

«Кто он: больной или преступник?»

«Почему он лишает людей рук?»

Открываю первую статью, потом вторую, потом третью. Глаза бегают по строкам, выхватывая слова: полиция, источник, предполагают, эксперты, не подтверждено, вероятно, возможно. Все одно и то же. Одни догадки, обрывки, чужой страх, красиво упакованный для новостей.

Фотографии только усиливают тошноту. Перекошенные лица родственников. Размытые кадры с мест преступлений. Белые линии мела на асфальте.

Два часа моей жизни уходят в пустоту. Я так и не нахожу ничего, что действительно могло бы мне помочь.

Сама виновата. Люди его боятся, полиция молчит, а в интернете правды не бывает. Только чужая жадность до сенсаций.

Моргаю, и перед глазами на миг вспыхивают белые полупрозрачные круги. Папа был прав: не надо сидеть в темноте перед ноутбуком слишком долго.

Я устало захлопываю крышку. Металл звучно щелкает, и тишина снова накрывает комнату.

Слезы подступают неожиданно. Пытаюсь удержать их внутри глаз, запрокинув голову вверх. Но все тщетно. Одна за другой слезинки вырываются из заточения и, прокладывая гладкую влажную дорожку по щекам скатываются на ладони.

Не знаю, увижу ли я тебя еще хоть раз.

Взгляд падает на тумбочку. Там стоит рамка с детской фотографией. Мне четыре. Папа впервые берет меня с собой в поле, и я стою в резиновых сапогах по щиколотку в земле, с букетом желтых тюльпанов в руках. Моя «награда за хорошую работу». На самом деле я больше мешала, чем помогала, но тогда это никого не волновало. Папа смеялся. Он поднимал меня на руки, и я чувствовала себя самой важной девочкой на свете.

Я люблю эти воспоминания. Среди всей этой тьмы хоть что-то должно оставаться светлым.

Часы рядом с фотографией бьют полночь. Я вытираю слезы и решаюсь, наконец, проверить своего тайного преследователя. Сквозь приоткрытую щель на стол уже падает холодный лунный свет.

Тени нет.

Фонари заливают дорожку к входу в общежитие ровным желтым светом. Двор открыт как на ладони. Спрятаться здесь невозможно.

Ушел.

Губы складываются в вымученную улыбку, которая должна принести облегчение, но я все еще его не чувствую.

Ирония ситуации бьет под дых: я часами копаюсь в сети, пытаюсь выследить призрака, в то время как этот самый призрак заглядывает мне в окна. Мы играем в «кошки-мышки», и, похоже, я слишком поздно осознала, что в этой игре роль кота уже занята. Не мной.

Тянусь к затылку и резко дергаю резинку. Пряди рассыпаются по плечам, и я шиплю от боли. Тугой хвост, который я носила с самого обеда, будто врос в череп. Пальцы ныряют в густую массу волос, массируя ноющую кожу. Ветер за окном уже давно перестал быть ласковым и летним, он пробирает до костей. Ненавижу это чувство: когда волосы липнут к лицу, а помада размазывается по щекам кровавыми разводами, стоит только выйти на улицу.

Нужно скинуть это с себя. Брюки кажутся слишком тесными, а колючая шерсть свитера душит, впитывая мой страх

в виде липкого пота. Я сбрасываю одежду на стул, оставляя ее бесформенной кучей, и натягиваю старые потертые шорты. Ткань почти невесомая, но даже она сейчас кажется лишней на коже, ставшей чересчур чувствительной.

В тишине комнаты внезапно раздается резкий, дребезжащий звук. Экран телефона на тумбочке вспыхивает ядовитым синим светом, разрезая полумрак. Я вздрагиваю всем телом, замирая с поднятыми руками.

СМС. От Джона.

Похоже, что сегодня ночью поспать мне так и не удастся.

Быстро забираюсь на кровать, подтягивая колени к самому подбородку.

Ноутбук приветствует меня холодным мерцанием заставки. Пальцы быстро находят нужную папку, которую Джон перебросил в облако.

Внутри — всего пять файлов.

Я замираю, глядя на экран. Мышцы челюсти непроизвольно сжимаются. — Пять? — Голос звучит чуждо в пустой комнате. — Ты же обещал тринадцать, подонок.

Он клялся, что Коллекционер оставил после себя тринадцать тел. А здесь, здесь всего пять имен. Либо Джон играет в свою игру, дозируя правду, как наркотик, либо за остальными файлами стоит цена, которую я еще не готова заплатить. Доверять таким людям — все равно что добровольно подставить шею под нож.

Делать нечего. Открываю файлы один за другим. Как

можно вообще убить тринадцать человек и до сих пор оставаться безнаказанным?

Маркус Вейл. Основной поставщик травки в северном районе. Улыбчивый мужчина с дредами, любивший цветные рубашки, если верить приложенным фотографиям. Убит шесть дней назад. Найден в переулке за собственным клубом.

Желудок сжимается. Это он. Тот самый мужчина, которого я видела там, стоя на коленях с гребаным членом во рту.

Воспоминание вспыхивает так резко, что я отвожу смущенный взгляд от экрана и несколько раз моргаю, пытаюсь сбросить картинку.

Когда я пришла, он все равно был уже мертв. Так или иначе, я бы ничем не смогла помочь.

Непонятно, зачем начинаю оправдывать себя.

Следующий файл.

Эдди «Коготь» Морено. Состоит в уличной банде. Мелкие кражи, разбой, одно нападение с отягчающими обстоятельствами.

Ликвидирован четыре месяца назад. Тело обнаружено на заброшенной стройке.

Я листаю дальше, не задерживаясь дольше необходимого. Имена сменяются одно за другим. Даты. Короткие сухие примечания. Адреса, которые мне ничего не говорят. Большинство из них никто бы не назвал достойными жалости: случайные подработки, пособия, старые районы, мелкий

разбой. Лица людей, которых город давно привык не замечать.

Вот оно. Может, он выбирает тех, на кого всем плевать. Может, это и есть его извращенная логика.

Но надежда ломается, когда я открываю последний файл.

Роберт Кирш. Инженер-технолог. Работал в крупной фармацевтической компании «ВекторФарм».

На экране появляется фотография: сухое лицо, короткая стрижка, тонкая металлическая оправа очков. Обычный человек.

Взгляд цепляется за пометку Джона.

По данным неофициального опроса директора завода, у них частенько пропадали прекурсоры и некоторые контролируемые вещества. Небольшими партиями. Как только Кирша убили — кражи прекратились.

Я откидываюсь на подушки и прикрываю глаза. Горло пересохло так резко, будто кто-то сжимает его пальцами.

Пожалуйста, только не это.

Если жертвы связаны не только улицей, если среди них есть такие, как Кирш, вся моя аккуратная теория разваливается.

Провожу ладонью по лицу и прижимаю подушку к животу, как будто она может удержать дрожь в теле. Голова гудит так, будто внутри стучат молотком. Здесь слишком мало зацепок. Слишком мало, чтобы понять, кто он и почему выбирает именно их.

Но закономерность должна быть. Она всегда есть. Полиция могла ее не увидеть, но это не значит, что ее нет.

Или же мой мозг, перегруженный страхом и недосыпом, просто ищет закономерности там, где их нет.

Я захопываю ноутбук и ставлю его на тумбочку рядом с часами. Корпус все еще теплый. Два часа ночи.

Выключаю ночник и скольжу глубже под одеяло, утыкаясь лицом в прохладную наволочку. Темнота опускается на комнату, постепенно заглушая шум в голове.

Уже почти проваливаюсь в сон, когда телефон рядом с головой вдруг оживает коротким вибрирующим жужжанием.

Я дергаюсь, будто меня ударили током, и резко тянусь к нему. Экран вспыхивает белым светом, слепя до слез. Я зажмуриваюсь, а потом быстро открываю глаза, стараясь как можно быстрее уменьшить яркость.

Тут уже одного слова «паника» будет недостаточно, чтобы полностью описать мое состояние.

На экране четко виднеется одно непрочитанное сообщение: *«Здравствуй, Офелия. Это мама».*